

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
_____ И.В. Евсеева
«_____» 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУСИЗМЫ В ПАМЯТНИКАХ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ И ДР.»)**

Выпускник К.А. Смирнова

Научный руководитель д-р филол. наук,
проф. Т.М. Григорьева

Нормоконтролер А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ..9	
1.1. Старославянский – церковнославянский – древнерусский	9
1.2. Релевантные признаки церковнославянского и древнерусского языков .	12
1.3. Основные памятники письменности древнерусского периода	14
1.3.1. Деловая письменность	15
1.3.2. Церковнокнижная литература	16
1.3.3. Светская литература.....	17
1.3.3.1. Русская летопись	18
1.3.3.2. Художественные произведения	19
1.4. Природа рефлексов типа <i>*tort</i>	19
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	21
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ И РУСИЗМОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ XI–XII ВВ..... 22	
2.1. Количественный анализ данных.....	22
2.2.Лексемы с полногласными и неполногласными корнями в современном русском языке	28
2.3.Функционирование существительных и онимов с полногласными и неполногласными корнями	36
2.3.1.Функционирование церковнославянизмов в существительных	37
2.3.2. Функционирование русизмов в существительных	51
2.3.3. Функционирование церковнославянизмов в онимах	58
2.3.4. Функционирование русизмов в онимах	60
2.4. Функционирование прилагательных с полногласными и неполногласными корнями	62
2.4.1. Функционирование церковнославянизмов в прилагательных	62
2.4.2. Функционирование русизмов в прилагательных.....	64
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	70

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Церковнославянизмы в древнерусском тексте (количественные показатели).....	79
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Русизмы в древнерусском тексте (количественные показатели)	84
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Лексемы в современном русском языке	87
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Лексемы из пассивного словаря	90
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Церковнославянизмы и русизмы в существительных и прилагательных	92

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусские тексты XI–XII вв. чаще всего рассматривались с литературоведческой точки зрения [Д.С. Лихачёв, 1970; В.В. Кусков, 2003]. Данная работа посвящена исследованию функционирования фонетических церковнославянизмов и русизмов в текстах с разных точек зрения: лексической, семантической и грамматической.

Изучение памятников древнерусской литературы в контексте истории русского литературного языка включает рассмотрение взаимодействия церковнославянской и древнерусской языковых систем. При этом применительно к текстам XI–XII вв. исследование связано с вопросами происхождения и становления литературного языка донациональной эпохи как отправной точки при определении нормативных ориентиров древнерусских книжников, принципов и факторов отбора языковых средств, что, по мнению В.В. Виноградова [1977; 1978], А.А. Алексеева [1986; 1987; 1988], Н.И. Толстого [1993], О.Н. Трубачёва [1994], И.С. Улуханова [2004; 2015] и других исследователей, тесно связано не только с изучением языкового материала памятников, но и лексическим, семантическим и грамматическим анализом текстов различных жанров.

Актуальность научного исследования связана с тем, что основные проблемы истории древнерусского литературного языка (его происхождение, языковая ситуация, нормы и критерии варьирования церковнославянских и древнерусских языковых единиц) по-прежнему остаются неразрешёнными.

Научная новизна исследования связана с характером и постановкой проблемы, которая находится на пересечении различных уровней языкоznания, а также смежных научных дисциплин: истории русского литературного языка, исторической грамматики, диалектологии, семантики. Кроме того, исследование представляет интерес в рамках исторического экскурса и составляет часть планируемой работы по изучению

функционирования важных для русской культуры корней в древнерусских текстах XI–XII вв.

Методологической базой исследования являются фундаментальные труды в области исторической лексикологии: Ф.П. Филина [1949], Ж.Ж. Варбот [1969; 1984], Ю.С. Азарха [1984], О.Г. Пороховой [1988], В.В. Колесова [2001; 2004], Т. И. Вендиной [2002; 2007], Н.Х. Низаметдиновой [2003], Н.В. Максаровой [2004], Ж.К. Киыновой [2014]. А также положения и выводы академиков В.В. Виноградова, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова и их последователей: М.Л. Ремневой [1988; 1995], В.В. Колесова [2002] и других о единстве внутри- и экстраграмматических факторов языкового развития.

Методы исследования. В работе использовались метод статистического анализа, общенаучные методы (анализа и синтеза) и метод описания как традиционный метод для историко-лингвистических исследований.

Объектом исследования являются церковнославянизмы и русизмы в древнерусских текстах XI–XII вв.

Предмет исследования – структурно-семантические особенности слов с полногласными и неполногласными корнями, а также их функционирование в этих текстах.

Материал исследования – 5366 контекстов, содержащих лексемы с полногласными и неполногласными корнями, материал для анализа получен методом сплошной выборки.

Источником материала послужили следующие 24 памятника (даны в хронологическом порядке):

1. «Житие Константина-Кирилла» (869–879 гг.);
2. «Житие Мефодия» (885–886 гг.);
3. «Берестяные грамоты» (XI в. – XIII в.);
4. «Русская Правда» (Краткая редакция) (ок. 1016 г.);
5. «Сказание о Борисе и Глебе» (1033–1034 гг.);

6. «Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона» (1037–1050 гг.);
7. «Память и похвала князю русскому Владимиру» (сер. XI в.);
8. «Поучения и молитва Феодосия Печерского» (1070–1074 гг.);
9. «Житие Феодосия Печерского» (1080-е гг.);
- 10.«Хождение игумена Даниила» (нач. XII в.);
- 11.«Повесть временных лет» (1110–1118 гг.);
- 12.«Русская Правда» (Пространная редакция) (1113–1132 гг.);
- 13.«Поучение Владимира Мономаха» (1117 г.);
- 14.«Послание Клиmenta Смолятича» (1147–1154 гг.);
- 15.«Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» (1163 г.);
- 16.«Слова и поучения Кирилла Туровского» (1169–1182 гг.);
- 17.«Поучения к простой чади» (1170–1180 гг.);
- 18.«Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (1174–1177 гг.);
- 19.«Слово о князьях» (ок. 1175 г.);
- 20.«Слово Даниила Заточника» (1180–1190 гг.);
- 21.«Слово о полку Игореве» (ок. 1185 г.)
- 22.«Летописные повести о походе князя Игоря» (кон. XII в.);
- 23.«Слово Моисея Выдубицкого» (24.09.1198 г.);
- 24.«Киево-Печерский патерик» (кон. XII в. – первая треть XIII в.).

Цель работы – исследование специфики функционирования фонетических церковнославянизмов и русизмов на материале имён существительного и прилагательного в текстах различных жанров раннего древнерусского периода.

Реализация цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить основные признаки языковой ситуации древнерусского периода в истории русского литературного языка (XI–XII вв.);
- 2) определить корпус исследуемых текстов;
- 3) выявить состав единиц с полногласными и неполногласными корнями и исследовать семантические различия церковнославянизмов и русизмов;

4) выявить семантику фонетических церковнославянизмов и русизмов в современном русском языке;

5) определить особенности функционирования фонетических церковнославянизмов и русизмов.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты вносят вклад в развитие исторической лексикологии и лексикографии русского языка. Результаты исследования уточняют, дополняют и углубляют известные положения о языковой ситуации в Древней Руси, о сосуществовании церковнославянского и древнерусского языков, их эволюционного развития как результат устойчивых традиций употребления и развития функций церковнославянизмов и русизмов. Теоретическая ценность работы заключается также в том, что в ней представлено обоснование исследования историко-культурного и семантико-стилистического своеобразия церковнославянизмов и русизмов.

Практическая значимость состоит в том, что результаты проведённого исследования могут быть использованы в преподавании историко-лингвистических дисциплин «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Историческая грамматика», «История русского литературного языка», элективных дисциплин и специальных курсов по исторической лексикологии и лексикографии.

Цель и задачи работы предполагают следующую **строктуру** исследования: введение, две главы основной части, заключение, список использованной литературы и приложения.

Во введении определяются цели и задачи исследования.

В первой главе «Языковая ситуация русского средневековья» представлена теоретическая основа исследования: определение и объяснение языковой ситуации русского средневековья; история и характеристика памятников деловой письменности и светской и церковнокнижной литературы; история праславянских рефлексов типа **tort*.

Вторая глава «Особенности функционирования фонетических церковнославянизмов и русизмов в древнерусских текстах XI–XII вв.» представляет результаты исследования текстов деловой письменности, светской и церковнокнижной литературы XI–XII вв. с точки зрения функционирования фонетических церковнославянизмов и русизмов в существительных и прилагательных.

В заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Апробация. Материалы исследования обсуждались на международных научно-практических конференциях: «Базовые ценности этноса в речи и тексте» (Красноярск, 2017) и «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2018). Некоторые материалы выпускной квалификационной работы опубликованы в статье «Состав лексических единиц с корнем -влад-/ -волод-: сопоставительный аспект» в сборнике трудов конференции «Базовые ценности этноса в речи и тексте», индексируемом РИНЦ.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Языковая ситуация – «...совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих общение в определённой этнической общности или административно-территориальном объединении» [Швейцер, 1997: 523].

Языковая ситуация Древней Руси характеризуется, главным образом, сосуществованием церковнославянского и древнерусского языков.

1.1. Старославянский – церковнославянский – древнерусский

Старославянский язык – это древнейший литературный письменный язык, создание которого относится к IX в. Этот язык – результат деятельности Кирилла и Мефодия по переводу богослужебных и канонических книг с греческого языка. «В основу старославянского языка <...> лёг южнославянский болгарский диалект» [Толстой, 1997: 536].

В истории развития старославянского языка выделяются следующие периоды:

1. Древнейший период, связанный с деятельностью Кирилла и Мефодия – вторая половина IX в. К сожалению, памятники письменности этого этапа до нас не дошли;
2. Позднейший период, связанный с деятельностью учеников Кирилла и Мефодия – X в. От этой эпохи до нас дошли немногочисленные памятники;
3. Период церковнославянского языка – XI в., от которого дошли до нас многочисленные памятники разных изводов [Иванова, 1998: 12].

Учёные считают церковнославянский язык «продолжением старославянского языка как языка литературного...» [Толстой, 1997: 537].

Церковнославянский язык по происхождению – «...старославянский язык, подвергшийся влиянию живых языков народов, у которых он был распространен» [Касаткин, 1997: 615]. Церковнославянский язык был языком книжным и противопоставлялся разговорному языку. У него было несколько функций – быть языком богослужения и славянского просвещения.

Однако в XI–XIV вв. церковнославянский язык подвергался неизбежной последовательной русификации, влиянию живых народных языков и децентрализации древнеславянской книжности с юга на восток.

Древнерусский язык «сложился на базе близкородственных диалектов восточнославянских племен и существовал в VI–VII – XIV вв.» [Иванова, 1997: 123].

Существует несколько точек зрения о соотношении церковнославянской и древнерусской языковых систем в пределах Древней Руси и возникновении русского литературного языка:

1. Акад. А.А. Шахматов считал истоком русского литературного языка (далее в тексте РЛЯ) церковнославянский язык, подвергшийся русификации [Шахматов, 1941];
2. Акад. С.П. Обнорский утверждал противоположную точку зрения: основным был древнерусский, подвергшийся влиянию церковнославянского языка [Обнорский, 1934];
3. Акад. В.В. Виноградов выдвинул идеи раздельности источников и двух типов литературных языков: в основе одного типа церковнославянский язык, в основе другого – живой народный язык [Виноградов, 1978];
4. Проф. Г.О. Винокур выдвинул гипотезу, согласно которой основой русского литературного языка является скрещивание двух начал – книжного старославянского и восточнославянского, таким образом «...древнерусские литераторы иногда невольно, а иногда и сознательно допускали отступления от норм старославянского языка в пользу параллельных явлений своей родной речи» [Винокур, 1959]. Автор находил в русском языке древнейшего

периода три самостоятельных стиля: художественный, деловой, житийно-религиозный;

5. Проф. Б.А. Успенский доказывал, что в Древней Руси церковнославянский и древнерусский имели различные функции и разграниченные сферы употребления, тем самым образовывая диглоссию, причем литературным был именно церковнославянский язык [Успенский, 2002]. В соответствии с его концепцией только в XVIII в. происходит переформирование диглоссии в двуязычие, то есть сформировалась амбивалентная ситуация: русский язык со временем оттесняет церковнославянский, но принимает на себя его функции, в результате чего у церковнославянского языка остается одна функция – функция богослужения. Однако эта точка зрения учёного была спорной, и немногие согласились с ней.

Например, российский филолог М.И. Шапир выделил в теории Б.А. Успенского «целый ряд принципиальных положений, с которыми невозможно согласиться» [Шапир, 1989: 271]: начиная с определения «литературного языка» и заканчивая основными признаками и функциями диглоссии и двуязычия, которые в некоторой степени противоречат друг другу и материалу, на который опирался анализ. М.И. Шапир пришёл к выводу, что должен «признать общую концепцию учёного внутренне противоречивой и при этом далеко не всегда согласованной с конкретными данными исторической стилистики русского языка» [Шапир, 1989: 298].

6. Теория проф. В.М. Живова имеет немного другую направленность [Живов, 2001]. Например, учёный утверждает, что «языковая норма этих текстов (т.е. богослужебной литературы – Смирнова К.А.) была относительно устойчивой, её изменения носили, главным образом, сознательный характер, влияние разговорного языка данного славянского народа сказывалось здесь в ограниченном масштабе» [Живов, 1985: 70], а «церковнославянская норма <...> возникала в результате допущения в литературный язык отдельных черт живого языка при сохранении

противопоставления по основной массе фонетических, морфологических и синтаксических признаков [Живов, 1985: 70]. В то время как употребление разговорных элементов книжниками в новых текстах, где требовалось владение живым языком, а не церковным «образцом», учёный объяснял как необходимую меру, так как «при отсутствии основательного грамматического обучения менее начитанные и менее грамотные славянские авторы, создавая книжный текст, руководствуются своими представлениями о признаках, определяющих оппозицию книжного и некнижного языка» [Там же]. В.М. Живов считает, что нельзя такие тексты называть «плохими», так как здесь используется особая разновидность литературного языка, которую он наименовал «гибридным (церковно) славянским языком» [Живов, 1985: 71].

Таким образом, одни учёные «приписывали ведущую роль в развитии русского литературного языка церковнославянскому языку (А.А. Шахматов, Б.О. Унбегаун, Р. Пиккио и др.), другие (С.П. Обнорский, Л.П. Якубинский и др.) – древнерусскому» [Улуханов, 2003].

Но, несмотря на это, все точки зрения отражают мысль о том, что языки подвергались двустороннему влиянию, а это в свою очередь является основным побуждением к написанию данной работы.

1.2. Релевантные признаки церковнославянского и древнерусского языков

Со существование церковнославянского и древнерусского языков в XI–XII вв. вызвало дилемму почти во всех уровнях языка. Акад. А.А. Шахматов выделил основные релевантные признаки этих языков [Шахматов, 1941], которые можно сформировать в единую таблицу (см. таблицу 1):

Таблица 1. Релевантные признаки

Особенности церковнославянского языка	Особенности древнерусского языка
Неполногласие	Полногласие
Начальное <i>ра-</i> , <i>ла-</i>	Начальное <i>ро-</i> , <i>ло-</i>
Начальное <i>е</i>	Начальное <i>о</i>
Начальное <i>а</i>	Начальное <i>я</i>
Начальное <i>ю</i>	Начальное <i>у</i>
Буквосочетания <i>жд</i> , <i>щ/шт</i> на месте древнейших <i>*tj</i> , <i>*dj</i>	<i>ж, ч</i> на месте древнейших <i>*tj</i> , <i>*dj</i>
<i>ъ, ь</i> после плавных	<i>ъ, ь</i> перед плавными
Слова с префиксами <i>из-</i> , <i>вос-</i>	Слова с префиксами <i>вы-, за-</i>
Суффикс <i>-и-</i> в существительных	Суффикс <i>-ј-</i> в существительных
Употребление существительных типа «слово» с наращиванием суффикса <i>-ес-</i> в косвенных падежах	Употребление существительных типа «слово» без наращивания суффикса <i>-ес-</i> в косвенных падежах
Глаголы в 3 л. ед. и мн. ч. в настоящем и простом будущем времени оканчиваются на <i>-ть</i>	Глаголы в 3 л. ед. и мн. ч. в настоящем и простом будущем времени оканчиваются на <i>-ть</i>
Действительные причастия настоящего времени м. и спр. рода в им.п. оканчиваются на <i>-ы</i>	Действительные причастия настоящего времени м. и спр. рода в им.п. оканчиваются на <i>-а (и)</i>
Действительные причастия настоящего времени во всех остальных формах с суффиксом <i>-уиц-, -юиц-</i>	Действительные причастия настоящего времени во всех остальных формах с суффиксом <i>-уч- (-юч-), -ач- (-яч-)</i>
Нестяжённые формы имперфекта	Стяжённые формы имперфекта

В данном исследовании будут рассматриваться фонетические релевантные признаки – полногласие и неполногласие – в оригинальных тестах деловой письменности, памятниках светской и канонической церковнокнижной литературы.

А.А. Шахматов выделил и перечислил корни с полногласными и неполногласными чередованиями в своей работе [Шахматов, 1941: 72–74], но для нашего анализа были использованы только чередования *ра/oro* и *ла/olo*, в большей степени показывающие процесс сосуществования языков, а также был расширен список чередований с 34 до 43:

-бороd-/брад-; -бороz-/бразd-; -борон-/бран-;
 -борот-/брат-; -ворог-/враг-; -ворот-/врат-;
 -вороч-/врач-; -город-/град-; -дорог-/драг-;
 -здоров-/здрав-; -зорок-/зрак-; -корот-/крат-;
 -мороз-/мраз-; -морок-/мрак-; -норов-/нрав-;

-пороз-/праз-; -порох-/прах-; -смород-/смрад-;
-сором-/срам-; -сторож-/страж-; -сторон-/стран-;
-хоробр-/храбр-; -хором-/храм-; -хорон-/хран-;
-болог-/благ-; -болот-/блат-; -волог-/влаг-;
-волод-/влад-; -волок-/влак-; -волос-/влас-;
-голов-/глав-; -голод-/глад-; -голос-/глас-;
-золот-/злат-; -колод-/клад-; -колос-/clas-;
-молод-/млад-; -молот-/млат-; -оболок-/облак-;
-полом-/плам-; -полот-/плат-; -солод-/слад-; -холод-/хлад-.

1.3. Основные памятники письменности древнерусского периода

Письменность древнерусского периода (XI–XIII вв.) характеризуется большим количеством памятников разной направленности и жанровой принадлежности. Однако рукописных книг до наших дней сохранилось немного. Данные Археографической комиссии показывают, что от XI в. сохранились 33 рукописи, а от XII – 85, хотя в то время их было, несомненно, значительное количество [Баренбаум, 1984]. По утверждению некоторых специалистов, в XI–XIII вв. на Руси было написано не менее 85 тысяч только церковных книг. Частые пожары, междоусобицы и нашествия кочевников, приводившие к разорению городов и сел, были причинами гибели древних русских книгохранилищ и памятников письменности. Также памятники исчезали из-за неправильного их хранения и содержания. Сохранившиеся и обнаруженные тексты учёные разделили на три типа: памятники деловой письменности, церковнокнижной и светской литературы.

Каждый из типов, в свою очередь, имеет тексты определённой жанровой разновидности.

1.3.1. Деловая письменность

Памятники деловой письменности Древней Руси, сохранившиеся и дошедшие до наших дней, свидетельствуют о важнейшей роли русского литературного языка в сфере государственно-правовой и административной деятельности.

В основном язык деловой письменности Древней Руси русский, и тем самым он отражает особенности устной речи восточных славян. Иногда предстают элементы церковнонокничного языка в виде отдельных вкраплений, свойственных этому жанру: например, встречаются слова и стандартизованные выражения, выполняющие роль своеобразных клише жанра деловой письменности (*«аз, аще, раб божий, во имя отца и сына и святаго духа и др.»* [Кожин, 1989: 19]).

Кроме того, особенности памятников деловой письменности в следующем: в них отсутствуют средства художественной изобразительности; не отражена поэтика народного творчества; нормализация языка деловой письменности выражалась в соотношении в нем общерусских и диалектных элементов; как уже было сказано ранее, язык деловой письменности отражал живую народно-разговорную речь; характерной особенностью делового языка была консервативность норм.

Основными памятниками этого типа письменности являются «Русская Правда» – древнейший свод законов – и берестяные грамоты. Отличие последнего памятника от большинства других в том, что письма на бересте дошли до нас в оригиналах, а не в списках.

Берестяные грамоты были рассчитаны на единственного читателя – адресата, и писались, как правило, в связи с деловой необходимостью. Естественно, в этой ситуации у писавшего обычно не было стимула использовать какой-либо более высокий стиль языка, чем живая разговорная речь, соответственно, не было языковых ограничений. По этой причине в

берестяных грамотах почти всегда представлен древнерусский язык, свободный от церковнославянлизмов и диалектный.

1.3.2. Церковнокнижная литература

Церковнокнижная литература – это произведения, которые были созданы на церковнославянском языке, восходящем к старославянскому. Несомненно, они имели церковно-проповедническое содержание, но по языку отличались от богослужебных книг. После принятия христианства на Руси появляются переводные книги, которые в процессе перевода дополнялись вставками, отражающими явления русской жизни. Одновременно с переводными книгами создаются оригинальные произведения, соблюдающие византийские канонические правила: жития, проповеди, поучения.

А.Н. Кожин выделил основные языковые средства церковнокнижной литературы: «Авторы такой литературы ориентируются на высокий, украшенный стиль византийской литературы. Язык произведений витиеватый, изощренный, он насыщен цитатным материалом, взятым из священных писаний, а также библейской символикой, цветистыми метафорами, красочными антitezами, риторическими оборотами и иными средствами риторического изображения» [Кожин, 1989: 59].

Уже в ранних (XI–XII вв.) оригинальных произведениях встречаются слова и формы восточнославянского, русского языка, что показывает сосуществование его с церковнославянским.

Церковнокнижная жанрово-стилистическая разновидность литературного языка Древней Руси очень разнообразна:

1) памятники церковно-религиозного содержания:

- произведения церковно-политического красноречия («Слово», «Послание» и т.д.);

- житийные произведения («Житие», «Патерик», «Сказание» и т.д.);
 - каноническая церковно-юридическая письменность («Правило», «Устав» и т.д.);
- 2) произведения литургического и гимнографического жанра, разного рода молитвы и службы.

1.3.3. Светская литература

Светская литература, так называемая, православная художественная литература, имела большое значение в культурной жизни древнерусского государства. К этому типу древнерусской литературы «можно отнести произведения, отражающие героическое прошлое родной земли, жизнь и быт соседних народов, славные дела соотечественников, дающие представление о нравственных и художественных ценностях, созданных мастерами литературно-художественного и народнопоэтического творчества» [Кожин, 1989: 29].

Язык, которым написаны памятники светской литературы, в основном русский, но иногда встречаются элементы церковнославянского языка и элементы языка деловой письменности (клише). Элементы разных стилей встречаются в светской литературе для следующих целей:

- 1) для придания произведению особой оценочной экспрессии;
- 2) для изображения конкретной религиозной ситуации;
- 3) для описания жизни и быта русских людей.

Жанровая разновидность светской литературы достаточно объёмная, но основное деление памятников – на летописи и художественные произведения.

1.3.3.1. Русская летопись

Летопись – «изложение важнейших исторических событий в их хронологической последовательности» [Голышенко, 1997: 215].

Летописные сочинения играют большую роль в изучении культуры, быта и истории древнерусского государства, потому что они охватывают широкий круг вопросов русской жизни: в них изображаются события, очевидцем которых был сам летописец, даются описания быта восточных славян, передаются легенды, предания, раскрывается содержание философских и этических понятий, с помощью средств художественной изобразительности создаются яркие образы воинов, полководцев и героев.

Самый древнейший и известнейший летописный свод был создан в Киеве при князе Ярославе Мудром в 1039 г. В 1110 г. этот свод русской летописи был переработан Нестором и обрел известность как «Повесть временных лет».

Кроме культурологической, исторической и художественной значимости, летопись дает представление о богатстве и выразительности литературного языка Древней Руси:

- 1) лексика выделяется лаконичностью и выразительностью;
- 2) в повествование вводятся элементы бытового стиля;
- 3) появляются средства художественной выразительности: сравнения, метафоры, эпитеты и т.д.

Летописное повествование несвободно от элементов церковнославянского языка, которые включаются в него как традиционные средства церковнокнижной письменности и придают повествованию оттенки своеобразной речевой экспрессии.

1.3.3.2. Художественные произведения

Жанры этого вида древнерусской литературы созданы с использованием выразительных средств устно-поэтической, обиходно-разговорной и церковнокнижной речи.

Язык каждого произведения представляет собой смешение приемов и способов отбора речевых средств для наиболее яркого и образного изображения явлений реального мира.

Жанровая составляющая таких произведений следующая: «Повести» (в том числе летописные повести), «Поучения», «Слова» и т.д.

1.4. Природа рефлексов типа **tort*

«Неполногласие – лексико-фонетическое явление современного русского языка: наличие в корневых морфемах сочетаний *ra*, *la*, *re*, *le* между согласными <...> как результат фонетического изменения праслав. сочетаний гласных [o] и [e] с плавными [r] и [l] между согласными, т.е. сочетаний типа *[tort]*, *[tolt]*, *[tert]*, *[telt]*» [Иванов, 1997: 264].

Неполногласие является характерной чертой старославянского языка. Эти сочетания имеются и в других южнославянских языках, а также в чешском и словацком языках.

Восточнославянским языкам соответствует полногласие – «лексико-фонетическое явление современного русского языка: наличие в корневых морфемах сочетаний *oro*, *ere*, *ele* между согласными <...> как результат фонетического изменения праславянских сочетаний гласных [o] и [e] с плавными [r] и [l] между согласными, т.е. сочетаний типа *[tort]*, *[tolt]*, *[tert]*, *[telt]*» [Иванов, 1997: 352].

В прочих (северо-западных) славянских языках неполногласным сочетаниям старославянского языка соответствуют сочетания типа *ro*, *lo*, *re*, *le*.

С помощью сравнительно-исторического метода учёными установлено, что «полногласие и неполногласие развились из дифтонгических сочетаний с плавными типа *or*, *ol*, *er*, *el* в силу действия закона открытого слога и могут быть возведены к единой праславянской форме с древним закрытым слогом, к такой форме, в которой гласный предшествовал плавному, и это сочетание находилось в положении между согласными. Условно эту праславянскую форму передают как **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, где *t* – любой согласный» [Иванова, 1998: 97].

В старославянском языке сочетания *ra*, *la*, *re* (*rъ*), *le* (*лъ*) находятся в положении перед согласным звуком и, следовательно, в праславянский период в данном положении сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* находились в закрытом слоге и подвергнулись изменению в силу действия закона открытого слога.

В южнославянских языках, наоборот, наблюдалось перемещение (метатеза) гласного и плавного и удлинение гласного звука. Таким образом, **tort* > **trōt* > *trat*, **tolt* > **tlōt* > *tlat*, **tert* > **trēt* > *trēt*, **telt* > **tlēt* > *tlēt*.

В восточнославянских языках гласный перед плавным сохранялся, а открытие слога происходило путем развития в положении после плавного вторичного гласного такой же артикуляции, что и перед плавным. Таким образом, **tort* > **torot*, **tolt* > **tolot*, **tert* > **teret*. Немаловажно, что сочетание **telt* в восточнославянских языках перед твердым согласным подвергалось изменению в **tolt*, которое затем давало **tolot*, а иногда **telot* в положении после шипящих согласных.

Изменение праславянских форм типа **tort* было относительно поздним процессом: учёные утверждают, что, несмотря на сохранение прежней тенденции к открытости слогов, процесс изменения форм типа **tort*, характерный для дописьменного времени, прекратился [Иванова, 1998].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Языковая ситуация древнерусского периода отличается сосуществованием двух языков – русского и церковнославянского. Этую тенденцию можно отметить в некоторых сохранившихся до наших дней памятниках.

Известные нам памятники обладают собственными жанрово-стилевыми и языковыми особенностями, а также функциями и адресатами. Однако не все книжники и писцы придерживались норм написания текстов, поэтому в произведениях отмечаются заимствования того или иного языка: в церковнокнижной литературе обнаруживаются употребления разговорных русских слов, светская литература не обходится без церковнославянских вкраплений и деловых клише.

Самые частотные заимствования наблюдаются в фонетике – употребление восточнославянских полногласий в церковнокнижных текстах и церковнославянских неполногласий в светской и деловой литературе.

Эта особенность стала основанием для проведения следующего анализа: количественного анализа встретившихся русизмов и церковнославянизмов в выбранных текстах, их разделения на активный и пассивный словари в современном русском литературном языке и исследования функционирования и причинности употребления в данных текстах.

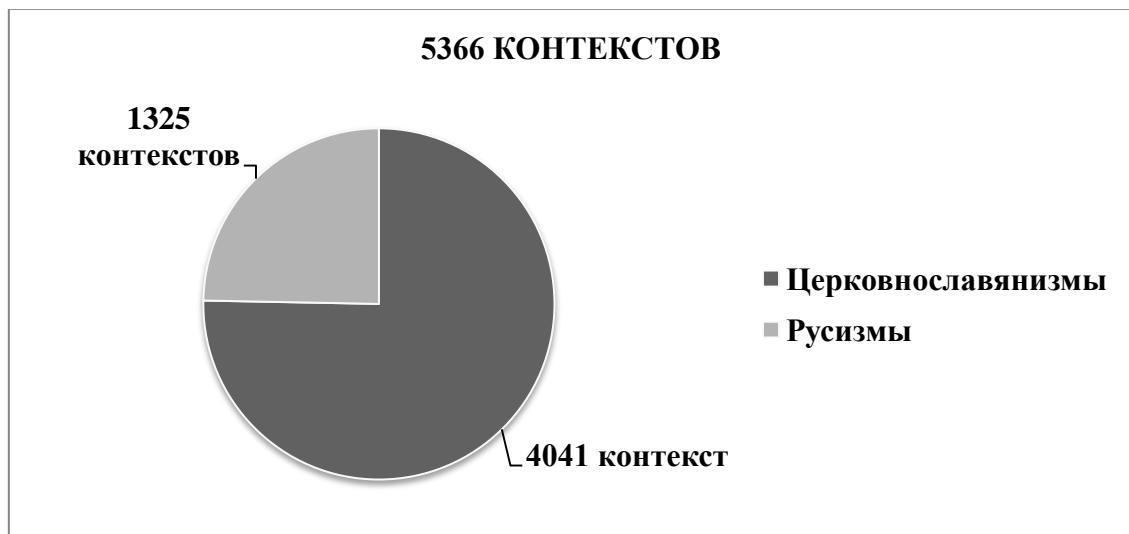
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ И РУСИЗМОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ XI–XII ВВ.

Из 24 памятников древнерусской литературы посредством сплошной выборки было выделено 5366 контекстов и 443 лексемы, содержащих полногласия и неполногласия, в том числе 284 лексем с существительными и прилагательными. На основе этого были сформированы таблицы, представленные в приложении (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А и ПРИЛОЖЕНИЕ Б).

2.1. Количественный анализ данных

Из 5366 контекстов выявлено 1325 с русизмами и 4041 с церковнославянизмами. Составленная диаграмма (см. таблицу 2) позволяет заключить, что контексты с русизмами составляют меньшую часть (24,7%) в сравнении с церковнославянизмами (75,3%).

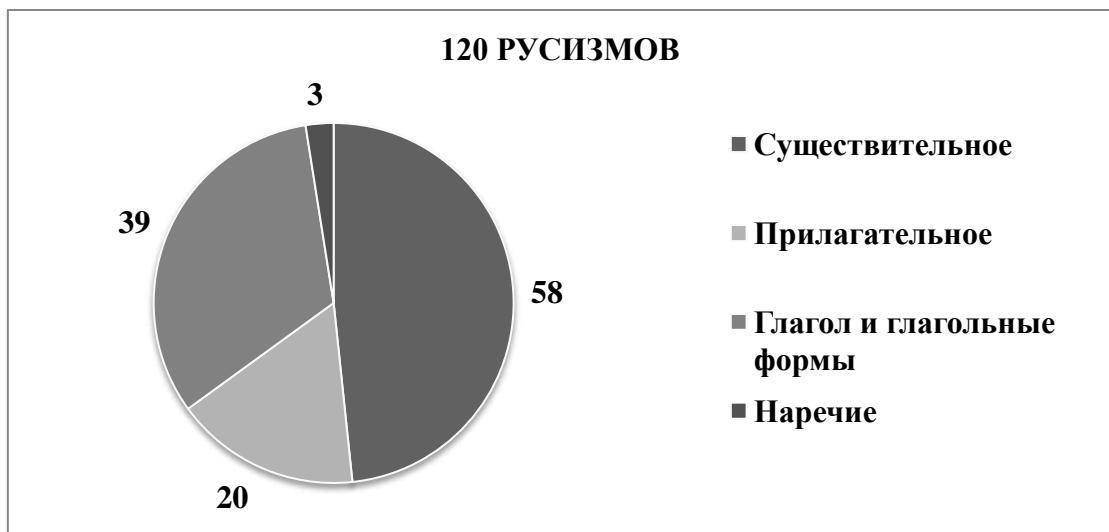
Таблица 2. Количественный анализ контекстов

120 лексем заключают в себе фонетические русизмы. Среди них (см. таблицу 3): существительные – 58, прилагательные – 20, глаголы и глагольные формы – 39, наречия – 3, остальные – словоформы этих лексем.

То есть существительные составляют 48,3% всех русизмов, прилагательные – 16,7%, глаголы и глагольные формы – 32,5%, наречия – 2,5%.

Таблица 3. Количественный анализ русизмов

Из 323 лексем с церковнославянским неполногласием 131 – существительные, 75 – прилагательные, 101 – глаголы и глагольные формы, 16 – наречия, остальные – словоформы этих лексем. Данные диаграммы (см. таблицу 4) свидетельствуют о том, что существительные составляют 40,5% всех церковнославянизмов, прилагательные – 23,2%, глаголы и глагольные формы – 31,3%, наречия – 5%.

Таблица 4. Количественный анализ церковнославянизмов

Результаты таблиц (см. ПРИЛОЖЕНИЕ А и ПРИЛОЖЕНИЕ Б) показывают частотность употребления лексем с чередующимися корнями, которую можно выстроить в порядке убывания:

- болог-/-благ- (73 лексемы); -город-/-град- (48 лексем);
- волод-/-влад- (29 лексем); -ворот-/-врат- (22 лексемы);
- голос-/-глас- (19 лексем); -колод-/-клад- (19 лексем);
- золот-/-злат- (17 лексем); -сторон-/-стран- (17 лексем);
- борон-/-бран- (12 лексем); -пороз-/-праз- (11 лексем);
- сором-/-срам- (11 лексем); -борот-/-брат- (10 лексем);
- волок-/-влак- (10 лексем); -хорон-/-хран- (10 лексем);
- голов-/-глав- (9 лексем); -молод-/-млад- (9 лексем);
- здоров-/-здрав- (8 лексем); -корот-/-крат- (8 лексем);
- солод-/-слад- (8 лексем); -ворог-/-враг- (7 лексем);
- вороч-/-врач- (7 лексем); -морок-/-мрак- (7 лексем);
- полот-/-плат- (7 лексем); -норов-/-нрав- (6 лексем);
- оболок-/-облак- (5 лексем); -хоробр-/-храбр- (5 лексем);
- волог-/-влаг- (4 лексемы); -голод-/-глад- (4 лексемы);
- дорог-/-драг- (4 лексемы); -смород-/-смрад- (4 лексемы);
- сторож-/-страж- (4 лексемы); -холод-/-хлад- (4 лексемы);
- волос-/-влас- (3 лексемы); -зорок-/-зрак- (3 лексемы);
- мороз-/-мраз- (3 лексемы); -хором-/-храм- (3 лексемы);
- болот-/-блат- (2 лексемы); -бород-/-брад- (2 лексемы);
- борозд-/-бразд- (2 лексемы); -молот-/-млат- (2 лексемы);
- полом-/-плам- (2 лексемы); -порох-/-прах- (2 лексемы);
- колос-/-клас- (1 лексема).

Результаты таблицы показывают, что только 37 из 43 чередований допускают употребление русизмов в данных текстах. Частотность употребления русизмов можно выстроить в порядке убывания:

- город- (27 лексем); -волод- (12 лексем);
- волок- (8 лексем); -ворот- (7 лексем);

-золот- (6 лексем); -голов- (5 лексем);
-борон- (4 лексемы); -борот- (4 лексемы);
-здрав- (3 лексемы); -молод- (3 лексемы);
-хорон- (3 лексемы); -болог- (2 лексемы);
-волог- (2 лексемы); -ворог- (2 лексемы);
-голод- (2 лексемы); -голос- (2 лексемы);
-зорок- (2 лексемы); -колод- (2 лексемы);
-молот- (2 лексемы); -мороз- (2 лексемы);
-морок- (2 лексемы); -сorum- (2 лексемы);
-хоробръ- (2 лексемы); -болот- (1 лексема);
-бород- (1 лексема); -борозд- (1 лексема);
-дорог- (1 лексема); -корот- (1 лексема);
-норов- (1 лексема); -оболок- (1 лексема);
-полот- (1 лексема); -пороз- (1 лексема);
-порох- (1 лексема); -солод- (1 лексема);
-сторож- (1 лексема); -сторон- (1 лексема);
-хором- (1 лексема).

Результаты таблицы также показывают, что 42 из 43 чередований допускают употребление церковнославянизмов в данных текстах. Частотность употребления церковнославянизмов можно выстроить в порядке убывания:

-благ- (71 лексема); -град- (21 лексема);
-влад- (17 лексем); -глас- (17 лексем);
-клад- (17 лексем); -стран- (16 лексем);
-врат- (15 лексем); -злат- (11 лексем);
-праз- (10 лексем); -срам- (9 лексем);
-бран- (8 лексем); -врач- (7 лексем);
-крат- (7 лексем); -слад- (7 лексем);
-хран- (7 лексем); -брат- (6 лексем);
-млад- (6 лексем); -плат- (6 лексем);

-враг- (5 лексем); -здрав- (5 лексем);
-мрак- (5 лексем); -нрав- (5 лексем);
-глав- (4 лексемы); -облак- (4 лексемы);
-смрад- (4 лексемы); -хлад- (4 лексемы);
-влас- (3 лексемы); -драг- (3 лексемы);
-страж- (3 лексемы); -храбр- (3 лексемы);
-влаг- (2 лексемы); -влак- (2 лексемы);
-глад- (2 лексемы); -плам- (2 лексемы);
-храм- (2 лексемы); -блат- (1 лексема);
-брад- (1 лексема); -бразд- (1 лексема);
-зрак- (1 лексема); -клас- (1 лексема);
-мраз- (1 лексема); -прах- (1 лексема).

Эти списки обнаруживают тенденцию к частотному употреблению чередований *-болог-/благ-*, *-волод-/влад-*, *-ворот-/врат-* и *-город-/град-*.

Корни *-болог-/благ-* являются производящими для большого количества лексем, чем объясняется частотность их употребления. Кроме того, памятники древнерусской письменности, особенно церковнокнижной, предполагали принижение качеств книжника и восхваление Бога, святых и представителей власти, чем можно объяснить большое количество словообразований с корнем *-благ-* почти во всех самостоятельных частях речи. Многие словообразования активно используются в современном русском языке, а некоторые вышли из употребления (*благовърие*, *благовъствование*, *благовъстъцъ*, *благоизволение*, *благолюбна*, *благонравию*, *благопотребная*, *благопризирание*, *благоугодных*, *благоумиа*, *благоумныма*, *благоутробиа*, *благохвальными*, *благочитивыя*, *богоблаженый*).

Частотность употребления чередования *-город-/град-* связано с формой расселения восточных славян: это был город, который подвергался большим изменениям и в разные времена принимал разнообразные формы.

Профессор В.О. Ключевский выделил 4 формы городов в русском средневековье с соответствующими «характерами» и функциями: *город-двор*

– зверолов-бортник; *город-село* с земледельческим населением; *город-застава* с военным населением и *город-посад* (торговый) с торгово-промышленным населением [Ключевский, 1989: 192]. Он объясняет близость двух терминов, обозначающих разные предметы – *город* и *огород*:

«город <...> по своему первоначальному этимологическому и экономическому значению соответствовал не только латинскому *urbs*, но и *hortus*, означал всякое огороженное жилое место, неоткрытое. В связи с этим термином стоит болгарский термин «градеж» (забор) – часть города, т. е. ограды; город-ограда состоит из нескольких заборов, градежей» [Там же].

Кроме того, одним из видов города-двора является так называемое *городище*:

«Такова древнейшая форма восточнославянского города; это одинокий укрепленный двор... <...> По всему пространству нашей равнины находятся бесчисленные остатки валов, иногда едва заметные, но поражающие своей однообразной овальной формой и одинаковостью размеров. <...> Они обхватывают очень небольшое пространство, на котором можно выстроить крестьянский двор средней руки. Эти валы носят название “городищ”» [Там же: 193–194].

Другие два чередования непосредственно связаны с *-город-/град-*: лексемы с чередованием *-волод-/влад-* обозначают, во-первых, властвующее лицо или силу: «власть» в толковом словаре В.И. Даля – «...право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники»; «владеть» – «...господин, обладатель; верховный правитель, государь; архиастырь; архиерей, а также священник, во время богослужения» [Даль, 1880: 216]. Соответственно лицо, наделенное властью, находится в некоем городе. При этом лексема «волость» обозначает

«...1) (с дописьменной эпохи) «власть», «право»; 2) (с XI в.) «область земли, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью»; 3) «округ,

принадлежащий городу» [Черных, 1999: 164], второе и третье определения которого прямым образом связано с городом.

Чередование *-ворот-*/*-врат-* ближе связано с чередованием *-город-*/*-град-*. Несмотря на то, что в первом значении *ворота* – «широкий вход или проезд в ограде, в стене и т.п., запираемый створами; створы, двери для запирания входа или открывания при проходе и проезде» [Ефремова, 2000], переносное значение слова следующее: «город, через который осуществляются экономические, культурные и т.п. связи какой-л. страны (региона) с другими странами (регионами)» [Там же].

Также *ворота* в древности – важнейшее место города – их необходимо охранять, чтобы защищать город и власть в нем. В связи с этим существовали профессии *воротник*, *вратарь* и *привратник*. Помимо этого, *ворота* в русской культуре имеют символичное значение: «врата ада» и «врата рая». Можно предположить, что в памятниках церковнокнижной литературы лексемы с чередованием *-ворот-*/*-врат-* употребляются во всех перечисленных значениях, и это свидетельствует об их частотность.

2.2. Лексемы с полногласными и неполногласными корнями в современном русском языке

Выделенные 284 лексемы с существительными и прилагательными можно разделить на 4 группы (см. ПРИЛОЖЕНИЕ В):

Первая и вторая группы, составляющие активный словарь современного русского языка, многочисленнее третьей – они включают 159 лексем; третья и четвертая группы, составляющие пассивный словарь, охватывают 125 лексем.

Исходя из этого, можно заключить, что большинство лексем (ок. 56%), используемых древнерусскими книжниками, существуют и употребляются до сих пор, а меньшая их часть (44%) вошла в пассивный словарь русского языка.

Необходимо обратить внимание на группу 2 (лексемы, употребляющиеся в современном русском языке в другом значении), которая содержит 22 лексемы, и объяснить, в каком же значении употреблялись они в древнерусский период и в каком существуют сейчас.

Лексема *брань* (в значении) в РЛЯ встречается в двух значениях, второе из которых с пометой: «1. Оскорбительные, грубые слова; ругань. 2. Высок. Война; битва, бой» [Кузнецов, 2000: 94]. Однако в текстах древнерусской литературы она имеет только значение – «война», «битва», «сражение», «борьба»: *брани межю има бывши злъ* – сражение между ними было жестокое (Повесть временных лет); *быша брани многы от половецъ* – много было войн с половцами (Киево-Печерский патерик); *брани с лукавыми духы* – борьба с лукавыми духами (Там же).

Прилагательное *браньна*, в РЛЯ (начальная форма – *бранный*) имеющее значение «содержащий брань; ругательный» [Там же], в XI в. в памятнике «Сказание о Борисе и Глебе» имело семантику «неприятельский, вражеский»: *меча браньна* – неприятельский меч.

Волость, как уже было сказано в предыдущем параграфе, имеет несколько значений «...1) (с дописьменной эпохи) «власть», «право»; 2) (с XI в.) «область земли, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью»; 3) «округ, принадлежащий городу» [Черных, 1999: 164], поэтому в данных текстах лексема выступает в основном в первом значении, являясь полногласным вариантом слова *власть*: *и прия волость его Ярополкъ* – и наследовал власть его Ярополк (Повесть временных лет). В современном русском языке лексема употребляется только в 3 значении.

Существительное *вратарю* (н. ф. – вратарь), в РЛЯ имеет значение «в футболе, хоккее и т.п.: игрок, защищающий ворота своей команды; голкипер» [Кузнецов, 2000: 156], а в памятниках Древней Руси – «привратник»: *вратарю отвързъши ему врата* – привратнику, открывшему врата (Житие Феодосия Печерского).

Этнохороним *вышегородцы* (н. ф. – вышегородец) существует и в современном русском языке в значении «жители города Вышгород», но в памятнике «Повесть временных лет» писец, очевидно, совершил ошибку, обоснование которой Д.С. Лихачёв дал в сноске: «*вышегородцы* – вероятно, ошибочно вместо выгошевцы <...>, то есть воины из города Выгошева, расположенного в Теребовльском княжестве».

Прилагательное *главнии* (н. ф. – главный) современные учёные определяют как: «1. Самый важный, основной, центральный. 2. Старший по положению (о человеке); руководящий, главенствующий (об учреждении, военном или правительственном органе и т.п.) [Кузнецов, 2000: 206]. В Древней Руси же эта лексема имела исключительно значение «головной; относящийся к голове»: *власи главнии притяскили бяжу* – волосы на голове присохли (Повесть временных лет).

Прилагательное *гласьная* (н. ф. – гласный) в РЛЯ также употребляется в нескольких значениях:

«1. Доступный для общественного ознакомления, обсуждения и контроля <...>. 2. *Лингв.* Не встречающий в процессе своего образования препятствий со стороны органов речи и не образующий шума (о звуках речи и буквах, обозначающих их)» [Там же: 208]. Эта лексема встретилась в тексте «Житие Константина-Кирилла» дважды: первый раз в современном значении 2, а второй – в значении «звуковой; относящийся к звуку»: *толико убо аще ся ключить родъ гласныхъ въ всемъ мирѣ* – столько звуковых родов во всем мире.

Лексема *городище* имеет значения «1. Увелич. к Город. 2. Древнее укреплённое поселение; город» [Кузнецов, 2000: 221], а употребляется в основном в 1-ом значении. Как упоминалось в предыдущем параграфе, акад. В.О. Ключевский объяснил, что одним из видов городов является *городище*:

«Такова древнейшая форма восточнославянского города; это одинокий укрепленный двор... <...> По всему пространству нашей равнины находятся бесчисленные остатки валов, иногда едва заметные, но поражающие своей

однообразной овальной формой и одинаковостью размеров. <...> Они обхватывают очень небольшое пространство, на котором можно выстроить крестьянский двор средней руки. Эти валы носят название “городищ”» [Ключевский, 1989: 193–194], поэтому в древнерусский период лексема употреблялась исключительно во 2-ом значении: *еже и донынъ наръчуть дунайци городище Киевъць* – так и доныне называют придунайские жители городище Киевец (Повесть временных лет).

Лексема *гражданинъ* (*гражсанинъ*) в современном РЛЯ имеет несколько значений:

«1. Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности; подданный какого-л. государства. 2. В России: форма официального обращения к мужчине (обычно употребляется перед фамилией). 3. Высок. Человек, заботящийся об общественном благе, подчиняющий свои личные интересы общественным» [Кузнецов, 2000: 225]. В Древней Руси же лексема употреблялась в значении «горожанин, житель города»: *граждане, пришедше, разграбиша соль* – горожане пришли и разобрали соль (Киево-Печерский патерик).

Прилагательное *единогласни* (н. ф. – единогласный) сейчас известно как «принятый всеми, участвующими в голосовании» [Там же: 294], но в памятнике «Повесть временных лет» оно определяется как «говорящий на одном языке»: *быша человѣци мнози и единогласни* – было людей много, говорящих на одном языке.

Лексема *изголовие* (н. ф. – изголовье) в современном РЛЯ имеет значение «то место на постели, куда ложатся головой; возвышение, устраиваемое для головы на постели» [Кузнецов, 2000: 379], а в древнерусском светском памятнике «Слово Даниила Заточника» она встречается в значении «наволочка»: *паволочито изголовие* – шёлковая наволочка.

Существительное *иностранны* (н. ф. – иностранец) в наше время означает «гражданин, подданный другой страны, иного государства» [Там же: 394], в то время как в памятнике «Повесть временных лет» это словообразование из словосочетания «иная страна»: *иностранны бъша прежде суша* – иные страны были прежде без росы.

Древнерусское и современное значения лексемы *кладки* (н. ф. – кладка) совершенно отличаются: если в современном русском языке лексема имеет значения:

«1. к Класть. 2. Часть какого-л. сооружения, сложенная из камней или кирпичей. Сложенный в известном порядке штучный материал (кирпичи, дрова и т.п.). 3. Нар.-разг. Доска или бревно, положенные через ручей, болото и т.п. для перехода» [Там же: 430], то в памятнике «Киево-Печерский патерик» она встречается в значении «предмет для коленопреклонения перед Богом»: *прося собъ на благословение креста <...> възглавница и кладки* – прося себе на благословение крест <...> подушку и кладку.

С. А. Кузнецов определяет лексему *норовъ* как «Разг. Нрав, характер» [Там же: 656], но в некоторых памятниках древнерусской литературы она имеет значение «обычай»: *творяще норовы поганьскыя* – продолжал жить по языческим обычаям (Повесть временных лет); *върному человѣку держати той норовы* – человек, веры достойный, обычая держится так (Поучения к простой чади).

Лексема *оградъ* в большинстве контекстов употребляется в известном современном значении «стена, забор, решётка и т.п.» [Кузнецов, 2000: 698], но некоторые контексты допускают иные определения:

1. Обитель. Например: *молитися о оградѣ святей* – молиться о святой обители (Киево-Печерский патерик). 2. Сад, огород. *Например: оград, егоже своима руками насади* – сад, который он своими руками посадил (Там же); *имѧше же сей блаженный малъ оградецъ, идѣже зѣлие ст҃аща и дреva плодовита* – имел этот блаженный маленький огород, где выращивал овощи и плодовые деревья (Там же).

В современном РЛЯ прилагательное *пламенное* (н. ф. – пламенный) имеет несколько прямых и переносных значений:

«1. Ярко горящий, пылающий. 2. Жаркий, горячий. 3. Пылкий, страстный. Выражающий пылкость, страстьность (о глазах, взоре и т.п.). 4. Наполненный страстью; воодушевлением» [Кузнецов, 2000: 837]. Многие контексты употребляются в первых двух значениях, но есть и исключение – значение «огненный»: *пламенное оружие* – огненное оружие (Слова и поучения Кирилла Туровского); *въ пламяньи розъ* – из огненного рога (Слово о полку Игореве).

Лексема *подъкладъ*, в современном РЛЯ считающаяся разговорным вариантом лексемы *подкладка*, имеет несколько значений: «1. Материал, подшитый к внутренней стороне одежды или какой-л. вещи. 2. Разг. О внутренней, не лицевой стороне чего-л. 3. Действительная, но скрытая основа чего-л.; подоплѣка каких-л. действий, событий. 4. Предмет, подкладываемый подо что-л.» [Там же: 867].

В древнерусских памятниках встретившиеся существительные имели значение «потник», то есть «войлок, подкладываемый под седло или под седёлку» [Там же: 942]: *подъкладъ постилаше, а съдло въ головах* – постилал потник с седлом в головах (Повесть временных лет); *медвѣдь ми у колъна подъклада укусилъ* – медведь мне у колена потник укусил (Поучение Владимира Мономаха).

Существительное *полотенец* в РЛЯ имеет следующие значения:

«1. Изделие из ткани в виде удлинённого полотнища, предназначенное для вытираания лица, тела или посуды. 2. Резное украшение продолговатой формы по краям крыши деревенской избы. 3. Плоская, тонкая часть режущего инструмента; полотнище» [Кузнецов, 2000: 907]. Однако в древних «Берестяных грамотах» оно функционирует в значении «лист, пластина»: *полотенец со дова цереленая* – два красных полотенца (по-видимому, листы красной меди – прим. Д.С. Лихачёва).

Древнерусское и современное значения существительного *прикладъ*, встретившегося в двух текстах, также имеют разительное отличие: если в современном РЛЯ оно означает

«1. Широкий конец ложа огнестрельного оружия, предназначенный для упора в плечо при стрельбе. 2. *Проф.* Дополнительный, вспомогательный материал (подкладка, пуговицы, крючки и т.п.) для шитья одежды, обуви» [Там же: 979], то в текстах оно функционирует со значением «образец, подобие». Например: *прикладомъ образъ* – образ по этому подобию (Житие Константина-Кирилла); *прикладъ имый въ сий Печерский монастырь* – почитая за образец себе Печерский монастырь (Житие Феодосия Печерского).

Значение лексемы *пространство* (пространство) в современном русском языке абстрактное, а также отличное от древнерусского. В РЛЯ:

«1. *Филос.* Одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом. 2. Неограниченная протяжённость во всех измерениях, направлениях. 3. Место, способное вместить что-л. 4. Большой участок земной поверхности» [Там же: 1028]. Однако в раннем древнерусском памятнике «Повесть временных лет» встретившийся контекст с данным существительным имеет значение «довольство, благополучие»: *на семь свѣтъ приемиша веселье и пространство* – на этом свете знающие веселье и довольство.

В современном русском языке значение существительного *сторожи* (н. ф. – сторож) определяется как

«1. Лицо, обязанное охранять кого- или что-л. 2. *Разг.* Круглое неровное рельефное приспособление, опускаемое на дно кастрюли при кипчении молока и не дающее ему перелиться через край» [Кузнецов, 2000: 1274].

Но в большинстве контекстов древнерусских памятников это полногласный вариант лексемы *стражса* – «люди, несущие вооружённую охрану кого-, чего-л.» [Там же: 1276] и «отряд, разведка»: *пришелъ есмь въ*

сторожехъ – пришёл с отрядом (Повесть временных лет); *приставиша к нему сторожъ на ночь* – приставили к нему стражу на ночь (Там же); *русьстии князи послаша сторожъ свои* – русские князья послали разведку свою (Там же); *приставиша к нему сторожовъ 15* – приставили к нему пятнадцать стражей (Летописные повести о походе князя Игоря).

Прилагательное *страньни* (н. ф. – странный) также значительно поменяло свою семантику по прошествии десятка веков: если в современном русском языке можно видеть значение

«1. Вызывающий недоумение, удивление своей необычностью. 2. Разг. Ведущий себя необычным образом; ненормальный» [Кузнецов, 2000: 1276], то в древнерусском языке XI–XII вв. кроме этого были и другие значения – «странствующий», «чужой», «незнакомый» и даже «странник» или «паломник», то есть «человек, странствующий пешком к святым местам» [Там же]: *крымити убогыа и странныя* – кормить убогих и странствующих (Поучения и молитва Феодосия Печерского); *съ страньными отъиде* – ушёл с паломниками (Житие Феодосия Печерского); *преданымъ быти языку страньну* – преданным быть народу чужому (Повесть временных лет); *в нем же хранише тревечерний странен* – внутри него спал тревечерний странник (Послание Климента Смолятича); *страненъ сыновомъ матере моа* – <стал я> незнакомым для сынов матери моей (Киево-Печерский патерик).

Лексемы из остальных трёх групп употреблялись в древнерусских текстах в свойственных им значениях.

Также стоит отметить, что в раздел пассивной лексики вошли существительные и прилагательные, которые можно разделить на следующие 5 групп (см. ПРИЛОЖЕНИЕ Г):

- отмечены в словарях как устаревшие, высокие и поэтические (книжные) слова (*брадъ, глас, злато, невеглас, соромъ* и т.д.);
- словообразования, которых нет в современном РЛЯ (*безъблагодатни, благовѣрие, вельглави, изъврагы, треблаженый* и т.д.);

- церковнославянизмы и русизмы, по какой-то причине вышедшие из активного употребления и заменённые на свою коррелирующую пару (*бологомъ, градъский, мрази, суморокъ, хоробръ* и т.д.);
- названия предметов и явлений, исчезнувших из обихода и оборота речи (*власяна, градищо, златник, перекладная, стражбы* и т.д.);
- имена собственные, неизвестные современному РЛЯ (*Ангивладъ, Володимиръ, Городиславъ, (на) Золотъчи, Царьградъ* и т.д.).

2.3. Функционирование существительных и онимов с полногласными и неполногласными корнями

Самая частотная часть речи в современном русском языке – существительное. Так же дело обстоит с древнерусским языком: значительное большинство контекстов имеют в своём составе имена существительные. Поэтому существительные в полной мере могут показать картину изменения языковой ситуации и функций церковнославянизмов и русизмов.

Выделенные существительные можно разделить на апеллятивы и онимы.

В результате анализа приведенных контекстов было выявлено 27 коррелирующих пар одной части речи – существительного:

1. *бологомъ – благо;*
2. *болота – (въ) блаты;*
3. *борода – брадъ;*
4. *Бѣльгородъ – Бѣльградъ;*
5. *(за) вологу – влагы;*
6. *Володимиръ – Владимиръ;*
7. *Володимъричъ – Владимерович;*
8. *волость – власть;*
9. *ворогъ – врагъ;*

10. *ворота – врата*;
11. *голова – глава*;
12. *голодъ – гладъ*;
13. *голоси – глас*;
14. *городище – градищо*;
15. *городъ – градъ*;
16. *горожане – гражданинъ*;
17. *золотникъ – златникъ*;
18. *золото – злато*;
19. (*на*) *морозъ – мрази*;
20. *Новъгород – Новуграду*;
21. *норовъ – нравъ*;
22. *огородъ – оградъ*;
23. *соромъ – срамъ*;
24. *стороожи – стражса*;
25. *сторона – страна*;
26. *хоромы – храм*;
27. (*изъ*) *Царягорода – Царьградъ*.

Некоторые из слов представленных пар поменяли значение и в современном русском языке не являются коррелиирующими (*волость – власть, голова – глава, горожане – гражданин, (межю) колодама – кладки, (межю) колодама – кладу, огородъ – оградъ, стражса – сторожи*).

Остальные существительные и прилагательные не имеют пар в проанализированных текстах.

2.3.1. Функционирование церковнославянлизмов в существительных

Существительные с церковнославянским компонентом (их чило 122) были выделены в результате анализа (см. 1-ый столбец ПРИЛОЖЕНИЯ Д).

Существительные с корнем *-благ-* являются только церковнославянismами и не имеют пар с полногласными вариантами корня (кроме частотного *благо* – *болого*) ни в церковнокнижных, ни в светских памятниках. Это приводит к выводу, что они не были подвержены влиянию разговорного языка, так как относились к сакральной сфере и связаны с божественной атрибутикой:

хотяще превратити благовѣствование Христово (Киево-Печерский патерик); *въскоре Духъ Свѧтыи приемлють и благодѣть* (Житие Константина-Кирилла); *благословеніа и молитвы святаго отца Феодосиа* (Киево-Печерский патерик); *то нѣсть ли то благословеніе Божие на земли той Святѣй* (Хождение игумена Даниила); *аггель явися въ голубинъ образъ, благоуханіе от тѣла* (Слово о князьях); *научися, вѣрный человѣче, быти благочестію дѣлатель* (Поучение Владимира Мономаха) и т.д.

Кроме того, этот вывод подтверждается тем, что ни одно из существительных с корнем *-благ-* не употреблено в памятниках деловой литературы.

Лексема *блато*, встретившаяся единожды в тексте «Слово о законе и благодати митрополита Илариона», дана в прямой речи пророка Исаии: *яко же рече Исаиа: «Разверзется вода ходящимъ по безднѣ, и будетъ безводнаа въ блата, и въ земли жаждущи источникъ воды будетъ»*. Очевидно, что неполногласный вариант лексемы употребляется для поддержания канона церковнославянского текста.

Возможно, по той же причине используется существительное *брадѣ* в церковнокнижном памятнике «Киево-Печерский патерик»: *опалъша ми власы на главъ и на брадѣ*. А применение этой лексемы в памятниках светской литературы можно объяснить отсутствием влияния русского языка на церковнославянский и частичным соблюдением церковнославянского языкового канона: *въ ротъ вливаютъ, и по брадѣ мажютъся* (Повесть временных лет).

Лексема *бразда*, функционирующее в бытовой сфере, могло быть использовано в церковнославянских и светских памятниках только в таком виде – неполногласном варианте, а цель – уподобиться церковнославянскому канону: *въ супруга бяховъ, едину бразду тяжсаща* (Житие Мефодия); *не сей бо на бразнах жита, ни мудrostи на сердци безумных* (Слово Даниила Заточника).

Лексемы *брань* (в значении «битва», «война») и *възбранение* (в значении «препятствие») фигурируют в церковнокнижных и светских памятниках только в неполногласном виде: *брани мъногы съ нимъ съставиевъ* (Сказание о Борисе и Глебе); *Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань* (Слово о полку Игореве); *нъ врагъ не почиваше, остря ю на възбранение отрока о таковъмъ его съмѣрении* (Житие Феодосия Печерского). По всей видимости, эти лексемы функционировали только в письменной речи, поэтому влияния разговорной речи на них не произошло и лексем с полногласным корнем не появилось.

Таким же образом обстоит дело с существительным *обращения*: оно встретилось только в памятниках светской и церковнокнижной литературы без полногласного варианта корня: *ожидааи обращения гръшнныхъ* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *обращениемъ обратися отпути своего злago* (Повесть временных лет).

Существительное *влагы* в церковнокнижном тексте «Слова и поучения Кирилла Туровского» употребляется в контекстах с сакральным значением, поэтому оно представлено только в неполногласном виде: *не имуши влагы Свяtagо Духа; небо и земля тобъ служиста,— оно влагою, а си плодомъ.*

Однокоренные существительные, обозначающие лица, – *владыка*, *владычица*, *властеле*, *властелинъ* и *единовластецъ* являются только церковнославянismами и не имеют пар с полногласными вариантами корня ни в одном рассмотренном памятнике. Анализ этих существительных показал, что *владыка* и *владычица* используются в основном в функции обращения, можно выделить следующих адресатов:

- 1) высшая сила (Бог, Господь, Иисус, Богородица): *благодарю тя, владыко мой, Господи Иисусе Христе* (Житие Феодосия Печерского); *госпоже Пречистая Владычице, аще ты не избавиши ея от смерти, се уже мертвa есть* (Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы); *владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца* (Летописные повести о походе князя Игоря);
- 2) политические правители (цесарь, царь, князь, вельможа): *написа же къ цесарю книги каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа кръстяньску въру...»* (Житие Константина-Кирилла); *то, добръи владыко, посыли такъ мужъ, иже ны исправить въсяку правьду* (Житие Мефодия); *еже есть, владыко, угодно пред очима твоими, тако сътвори, мнъ же нѣсть лъпо отвратити въинъ от царя небеснаго* (Житие Феодосия Печерского);
- 3) духовные правители (патриарх, Папа): *аще велиши, владыко, на сицу рѣць радъ иду пъшь и бось и безъ всего же* (Житие Константина-Кирилла); *поклонившия патриарху, глаголаше: «Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сѣти неприязнены»* (Повесть временных лет).

Существительные *властеле*, *властелинъ* и *единовластецъ* функционируют как общее название правителей или господ. Возможно, они также перешли из сакральной сферы в политическую, сохраняя свою форму: *властеля устраяет* (Повесть временных лет); *градъский властелинъ* (Киево-Печерский Патерик); *бысть единовластецъ Руской земли* (Повесть временных лет).

Лексема *владычество*, *власть* и *самовласть* также используются в церковнокнижных памятниках в неполногласной форме: *сътвори Господь намъстника по тебѣ твоему владычеству* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *остави княжение, и честь, и славу, и власть* (Киево-Печерский Патерик); *словесъныи съмысль и самовласть* (Житие Мефодия). Однако лексема *власть* всё же приобрела коррелирующую пару

волосъ, которая изначально функционировала как синоним, но потом стала самостоятельной.

Из этого следует, что лексемы функционировали в сакральной сфере, позже перешли в политическую и бытовую, но не изменили своей формы.

Существительные *власяна* и *власяница* функционируют исключительно в неполногласном виде, потому что это монашеская атрибутика: *дастъ же игуменъ власяницу Святошину* (Киево-Печерский Патерик). Неполногласная форма *власы* используется, очевидно, потому что русский язык не повлиял на этот корень, хотя лексема активно употреблялась в бытовой сфере: *опалъша ми власы на главъ и на брадъ* (Там же).

Однокоренные *врагъ*, *вражду* и *изъврагы* не подверглись влиянию русского языка, поэтому функционируют в основном только с неполногласным корнем *-враг-* и в церковнокнижных, и в светских текстах (кроме *ворогъ – врагъ*): *побъжаемъ противнаго врага* (Повесть временных лет); *Давидъ ни с кѣмъ не имъаше вражды* (Слово о князьях); *женъскии изъврагы* (Повесть временных лет).

Однокоренные *вратарю*, *възвращение*, *отвращение* также не были подвержены влиянию русского языка и функционируют только с неполногласным корнем: *Феодосий бъаше сице запретилъ вратарю* (Житие Феодосия Печерского); *отинудьное възвращение лукавыхъ* (Послание Климента Смолятича); *плодъ отвращения ихъ* (Житие Константина-Кирилла).

Только лексема *врата* приобрела коррелирующую полногласную пару. Здесь можно отметить некоторое разделение значений слов *ворота/врата*: ворота – «отверстие, проем в стене или ограде для прохода и проезда» [Даль, 1880: 249], врата – «святые врата» [Там же: 264], то есть практически вход в другое пространство («врата ада», «врата рая»).

Из этого можно сделать вывод, что в некоторых случаях книжник пытался разделить бытовое и библейское значения слова, поэтому *врата* в следующих контекстах семантически относится к сакральной сфере: *нъ се*

домъ Божий и си врата небесъная (Житие Феодосия Печерского); *Се мъсто домъ Божий, и се врата небеснаа суть* (Хождение игумена Даниила). Однако в остальных случаях коррелирующая пара *ворота/врата* является синонимичной: *отвори врата Новуграду* (Слово о полку Игореве); *отворяеши Киеву врата* (Там же).

Однокоренные *врачевания, врач, врачество* вообще не имели и не имеют полногласного варианта корня, потому что не подверглись влиянию древнерусского языка: *лечеца приготовляеть зълиа на потрѣбу врачевания* (Киево-Печерский патерик); *пришедъ же врачъ* (Житие Константина-Кирилла); *противная врачъства заповѣдаетъ* (Там же).

Однокоренные существительные *възграждение, ограждение, (у)преграды* также не подверглись влиянию русского языка и встречаются только с неполногласным корнем *-град-*: *имъниа многа на възграждение монастырю* (Киево-Печерский монастырь); *стѣна и ограждение* (Там же); *у преграды великаго олтаря* (Хождение игумена Даниила).

Другие существительные – *градищо, градъ, гражданинъ, оградъ* – имеют пары с полногласным корнем *-город-*: *ту есть градищо близъ первых людий* (Хождение игумена Даниила); *бес комара граду* (Повесть временных лет); *всѧ священници и гражданъ внесоша я в градъ* (Житие Константина-Кирилла); *другоици же въ оградъ копахутъ зелиинааго ради растения* (Житие Феодосия Печерского).

Учитывая тот факт, что большая часть русизмов с корнем *-город-* употребляется в деловых и светских памятниках, можно заключить, что книжники соблюдали канонические правила при написании церковнонкнижных текстов и избегали употребления разговорных единиц.

Лексема *глава* встречается в 3 разных значениях:

- 1) « тот, кто возглавляет что-л., руководит чем-л. или имеет наибольшее влияние, признание в какой-л. сфере деятельности» [Кузнецов, 2000: 206]: *въстани, о честнаа главо, от гроба твоего* (Слово о законе и благодати Митрополита Илариона); *то есть глава всему граду тому*

- (Хождение игумена Даниила); *князи правдиви бывають на земли <...> понеже глава есть земли* (Повесть временных лет);
- 2) «раздел какого-л. печатного произведения, отмечаемый нумерацией или особым заголовком» [Там же] (в данных контекстах – договора): *суть <...> главы таковыя: по първому слову да умиримся с вами, грѣкы* (Повесть временных лет); *а о главах, иже ся ключит проказа, урядимся сице* (Там же);
 - 3) синоним полоногласному «голова» (большая часть контекстов): *посыпа главу свою и плакася горко* (Поучение Владимира Мономаха); *хощу главу свою приложити* (Слово о полку Игореве).

Несмотря на то, что существительное используется и в бытовой, и в деловой сферах, употребляется оно с неполногласным корнем, что указывает на отсутствие полного влияния русского языка на этот корень.

Однокоренное ему *възглавница* вообще не имеет пары с полногласным корнем, потому что, возможно, лексема используется только в церковнославянском языке: *възглавница и кладки его* (Киево-Печерский патерик).

В церковнокнижных памятниках лексема *гладь* встречается только с неполногласным корнем, в светских памятниках же появляется синоним с полногласным корнем – *голодь* – в соотношении 2:1. Это позволяет сказать, что взаимодействия этой лексемы и древнерусского языка в церковнокнижных текстах еще не произошло: *поживе лѣта многа, трывя зиму и гладь* (Житие Феодосия Печерского); *изънемогаху людье гладом и водою* (Повесть временных лет).

Практически все однокоренные существительные *глас*, *невеглас*, *разногласио*, *съглашение* употребляются только с неполногласным корнем (менее 2% лексем с корнем -*голос-*). Очевидно, что эти слова употреблялись и в деловой, и в бытовой сфере, но влияние русского языка не проникло в тексты. Также возможно, что книжники старались придерживаться канона, избегая русизмов в своих текстах: *послушайте гласа трубы* (Житие

Константина-Кирилла); *бяху бо чловѣци тогда невегласи* (Повесть временных лет); *изменению языка его дивящеся и разногласию* (Киево-Печерский патерик); *тъм же держать не в одино съглашение впру* (Повесть временных лет).

Кроме того, лексема *глас* встречается с сакральными эпитетами и дополнениями, что указывает на принадлежность к сакральной сфере: *наслаждаются учения божественаго гласа* (Там же); *ангель гласомъ и громомъ* (Там же).

Следующую группу однокоренных существительных можно разделить на 2 части: наименования из деловых документов – *наклади, перекладная*; предметы – *кладки, кладу, кладязь, подъкладъ, поклажяй, прикладъ*.

Первая группа составляет лексемы, называющие виды пошлин из памятников деловой письменности. Наличие неполногласного корня указывает на то, что эти наименования, изобретенные задолго до взаимодействия языков, сохраняют свою форму и не подвергаются влиянию русского языка. Здесь можно отметить принадлежность этих лексем не к церковным канонам письменности, а деловым – клише, штампам и стандартам, которые сформировались еще в ранний древнерусский период: *се наклады 12 гривень* (Русская Правда (Пространная редакция)); *10 кунъ перекладная* (Там же).

Вторая группа также употребляется в основном с неполногласным корнем, за небольшим исключением (*колодникъ* и (*межю*) *колодама*): *възглавница и кладки его* (Киево-Печерский патерик); *възложать на кладу мертвца* (Повесть временных лет); *игуменъ же повелъ его напоити губою от кладязя святаго Феодосиа* (Киево-Печерский патерик); *подъкладъ постилаше* (Повесть временных лет); *кто поклажаи кладеть у кого любо* (Русская Правда (Пространная редакция)); *прикладъ имый въ сий Печерский манастырь* (Житие Феодосия Печерского).

Некоторые из этих лексем (*кладки, прикладъ*) относятся к сакральной сфере, другие (*кладу, кладязь, подъкладъ, поклажяй*), несмотря на то, что

могли употребляться в разговорной речи, так же не были подвержены влиянию русского языка.

Лексема *здравие* во всех констекстах с существительными встречается только в неполногласном виде, что указывает на отсутствие влияния на этот корень русского языка: *она же въспроси попа о здравыи* (Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы); *воздыхания и молитвы о здравыи и о спасенни твоемъ* (Слово Моисея Выдубицкого).

Однокоренные *златникъ* и *злато* в церковнокнижных и светских текстах встречаются гораздо чаще, чем их варианты с полногласным корнем, хотя эти существительные активно использовались в быту, что может говорить о соблюдении книжником канона при написании текстов: *принесе нѣкто мужъ бремя всея яди и 10 златникъ* (Житие Константина-Кирилла); *русскаго злата насыпаша* (Слово о полку Игореве); *Антоние бо не имъ злата ни сребра* (Киево-Печерский патерик).

Существительные *злосмрадие* и *смрад* не имеют полногласных вариантов в анализируемых текстах, так как эти лексемы, скорее всего, восходят к сакральной сфере как противопоставление *благовонию*, то есть то, чем может наделить или от чего очищает Бог: *обоняше вси благоухание от телеси его, злосмрадие же и вопль никакоже слышащеся* (Киево-Печерский патерик); *смрад бо на благовоние преложися* (Там же).

Лексема *зракъ* также не имеет полногласной пары в текстах, поэтому можно предположить, что русский язык ещё не повлиял на этот корень: *прием рабий зракъ истиною* (Повесть временных лет); *видяще аггельский зракъ* (Киево-Печерский патерик).

Однокоренные существительные *иностранны*, *пространство*, *страна*, *странникъ*, *странолюбию*, *странъствие* также встречаются только с неполногласным корнем *-стран-* (кроме *страна*). Об этом корне писал проф. В.В. Колесов: «Слово *страна* употребляется в текстах, которые описывали войны, походы, нашествия, «страна» и представлялась как сторона враждебная» [Колесов, 1986: 253]. *Страна* составляла оппозицию *земле*,

которая выступала в значении «родной стороны», но эта оппозиция закрепилась только на рубеже XII–XIII вв. [Там же: 252]. Действительно, большинство лексем, имеющих в своем составе корень *-стран-*, обладают значением «противопоставленный родной земле»: *иностранны бъша прежде суша* (Повесть временных лет); *симъ поганымъ ругателемъ на семь свѣтъ приемиша веселье и пространство* (Там же); *се приидоша страньници въ градъ тъ* (Житие Феодосия Печерского); *възлюби Аврамово житие и подража странолюбию его* (Память и похвала князю русскому Владимиру); *кто призрить на страньствие мое* (Киево-Печерский патерик).

Но некоторые другие меняют значение на противоположное – «страна» становится синонимом «государства»: *иду въ ину страну и потом възвращуся* (Киево-Печерский патерик), но *въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмъ въ городъ Переяславли* (Повесть временных лет)

Кроме того, *страна* становится и неполногласным вариантом лексемы *сторона*: *стоять по обѣма странама поющим* (Киево-Печерский патерик).

Этот анализ приводит к выводу, что несмотря на расхождение значений лексем с корнем *-стран-*, книжники всё же придерживаются норм написания церковнокнижных и светских текстов.

Существительное *класа* было встречено единожды в церковнокнижном тексте «Сказание о Борисе и Глебе»: *не пожынѣте класа*. Несмотря на то, что лексема связана с бытовой сферой (точнее – сельскохозяйственной), она представлена церковнославянизмом. Это может указывать на строгое соблюдение церковнокнижных канонов.

Однокоренные *младенецъ*, *младости*, *младоумия* также встречаются только с неполногласным вариантом корня. Возможно, это связано с тем, что корень *-млад-* и слово *младенец* исторически относится к сакральной сфере, а именно Иисусу как младенцу: *на святъй иконъ еи Господа моего, яко младенца на лонъ еи зрю* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *избѣгите младенца сущаа до дву лѣту* (Повесть временных лет); *възрастъ и укрѣпъвъ от дѣтескии младости* (Слово о законе и благодати

митрополита Илариона); *слышит твое благоразумие моего младоумия и несъврьшена смысла* (Киево-Печерский патерик).

Лексема *кратъ* тоже встречается во всех текстах только с неполногласным корнем: *поклониться пръдъ святымъ ольтарымъ три краты до земля* (Житие Феодосия Печерского); *три краты с Богомъ бесъдовав* (Слова и поучения Кирилла Туровского). Несмотря на то, что слово, очевидно, могло употребляться в разговорной речи, в текстах этот корень всё же не подвержен влиянию русского языка.

Лексема *мрази*, скорее всего употреблявшаяся и в разговорной речи, в большинстве контекстов употребляется в неполногласном виде: *нагъ на мразю ставъ* (Житие Константина-Кирилла); *приспъяше зима и мрази лютии* (Повесть временных лет); *приспъваše зима и мрази лютии* (Киево-Печерский патерик). Возможно, это связано с тем, что этот церковнославянизм не был подвержен влиянию древнерусского языка.

В проанализированных памятниках однокоренные существительные *мракъ, омрачениемъ, помраченье* встретились только с неполногласным корнем *-мрак-*: *пребысть много връмъ въ мрацъ гръховнъмъ* (Киево-Печерский патерик); *скажемъ о взоръ ихъ и о омрачении их* (Повесть временных лет); *того же лъта помраченье бысть въ солнци августа* (Там же). Возможно, русский язык не повлиял на этот корень.

Существительное *благонравию*, состоящее из двух неполногласных корней, не имеет коррелирующей полногласной пары. Как было сказано, лексемы с корнем *-благ-* имеют отношение к сакральной сфере, возможно, второй корень этого существительного *-нрав-* по аналогии с первым предстаёт только в неполногласном виде: *наставници всему доброму благонравию* (Поучения и молитва Феодосия Печерского).

Лексема *нравъ* в светских текстах приобретает полногласную пару, но неполногласный вариант всё же преобладает: *препону творя своею лъностию и своими неподобными нравы* (Поучения и молитва Феодосия Печерского); *удивихомся переменению того ума же и нрава* (Киево-

Печерский патерик). Это может значить, что русский язык проникает в тексты, но книжники пытаются придерживаться канона в написании текстов.

Существительное *облакъ* встречается только с неполногласным корнем, кроме того, этот церковнославянизм вошёл в современный русский литературный язык в этом же виде: *шиzymъ орломъ подъ облакы* (Слово о полку Игореве). Возможно, русский язык не повлиял на этот корень.

Лексема *пламень* исторически восходит к инфернальной сфере (например, «дьявольское пламя»), но во всех выделенных контекстах обозначает бытовой огонь или выступает как метафора: *нача палати пламень утилизами* (Повесть временных лет); *тищащеся угасити огня и пламяни* (Поучения к простой чади); *сердечный пламень престанеть* (Киево-Печерский патерик). Очевидно, что лексема сохранила неполногласную форму корня из-за исторической связи с инфернальной сферой.

Однокоренные существительные *платки* и *платьна* (в значении «полотно») также не имеют полногласных пар, несмотря на то, что слово, по-видимому, могло употребляться в речи: *бъ бо платьна дѣлая* (Житие Феодосия Печерского); *обѣрѣтывающи въ платки малы* (Повесть временных лет); *под единым платом* лежаща (Слово Даниила Заточника). Это может указывать на то, что русский язык ещё не повлиял на корень -*плат-*.

В церковнокнижных и светских памятниках однокоренные существительные *празднество*, *праздникъ*, *празднования*, *празднословия* тоже встречаются только с неполногласным корнем -*праз-*: *нѣкоторое имъ торжество и велико празднество время тѣ мнятъ* (Повесть временных лет); *сътвориши братии празднникъ великъ дѣнесъ* (Житие Феодосия Печерского); *лишиштесь такового празднования* (Поучения к простой чади); *възвратимъся отъ зѣлобъ нашихъ и от путий лукавыхъ, яже суть сии:<...>* *празднословия* (Житие Феодосия Печерского). Возможно, русский язык не

повлиял на этот корень, поэтому данные лексемы в том же виде входят в современный РЛЯ.

Лексема *прахъ* в древнерусских памятниках употреблялась в неполногласном виде, а также вошла в современный русский литературный язык в том же виде и с тем же значением, так как семантически относится к сакральной сфере (образованные позже лексемы с корнем *-порох-* имеют совершенно другую семантику): *вихърь*, *прахъ възьмъ*, *распя* (Житие Мефодия); *оттрясе прахъ невѣриа* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона).

Та же ситуация с лексемой *сладость*: русский язык не повлиял на лексему с этой семантикой, и она осталась в современном русском литературном языке (образовалась лексема с полногласным корнем *-солод-*, имеющая другое значение): *словеса добра сладостью напаяютъ душу* (Слово Даниила Заточника); *положи ему горесть ону на сладость* (Киево-Печерский патерик).

Несмотря на то, что лексемы *срамословье*, *срамота*, *срамъ* употреблялись в обиходной речи, даже могли быть ругательствами, корни сохранялись в неполногласном виде: *срамословье в нихъ предъ отьци и пред снохами* (Повесть временных лет); *велика срамота обдержит мя тебъ ради* (Киево-Печерский патерик); *человѣческий срам приобидѣвши, безъ срама нудящи и мя на осквернение и прелюбодѣание* (Там же). Полногласный корень проявляется только в некоторых более поздних светских текстах. Можно прийти к выводу, что книжники придерживались канонического облика этих лексем.

Лексемы *стражса* и *стражбы* количественно уступают полногласным лексемам с корнем *-сторож-*, что определённо указывает на смешение церковнославянского и русского языков: *еда азъ стражсь есмь брату моему* (Повесть временных лет); *мъзду стражбы ради обѣщав има взяти* (Слова и поучения Кирилла Туровского).

Однокоренные существительные (*на*) *схранение, хранения, хранитель* в текстах встретились только с неполноглосным корнем, возможно, это связано с тем, что существительные связаны с сакральной сферой и не функционировали в устной речи людей (кроме глаголов – в этом случае русский язык повлиял на корень и изменил его на полногласный *-хорон-*): *потицимся, елико по силъ, на схранение прочихъ* (Повесть временных лет); *въстъхъ образъ на себъ являше: страхъ Божии, заповѣдная хранения* (Житие Мефодия); *съблюстителя живота нашего и хранители аггели призовите* (Киево-Печерский патерик).

Обнаруженные в церковнокнижных памятниках лексемы *ухлаждение* и *хладъ* также не имеют полногласных пар, что может указывать на стремление церковных книжников соответствовать нормам: *ты бѣ жаждиющими утробѣ ухлаждение* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *плѣци мнишестии хладъ божественый приаша* (Киево-Печерский патерик).

Лексема *храбрость*, встретившаяся в текстах дважды, имеет полногласную пару, поэтому русский язык уже повлиял на этот корень. Можно предположить, что писцы, употребляя в своих текстах лексему с неполногласным корнем, пытаются соблюсти канонические правила: *мужьстvомъ же и храборьстvомъ прослуша въ странахъ многах* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *дай же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову* (Слово Даниила Заточника).

Лексемы *храм* и *храмина* имеют интересную историю: «храм» долгое время означало «дом» как «здание»; а «храмина» – «комната в доме», «келья». «Все древнерусские тексты, начиная с сочинений Илариона, называют храмы и церкви домами и тем отличаются от текстов других славян» [Колесов, 1986: 198]. Это подтверждают выделенные в ходе анализа контексты: *и по сихъ же, въведъши и въ храмъ и ту привяза и, и затворьши, и тако отъиде* – а после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла (Житие Феодосия Печерского); *съпящю ему въ полуьне въ храминъ своей* – когда спал он днем в своем доме (комнате) (Житие Феодосия

Печерского); *в той храминъ Христос умы ногы учеником своим – в той комнате Христос умыл ноги ученикам своим* (Хождение Игумена Даниила).

Несмотря на то, что существительные имеют бытовые значения и, очевидно, использовались в обиходной речи, они исторически восходят к саральной сфере – это место поклонения Богу. Однако в древнерусской культуре эти слова поменяли значения на противоположные, что не мешало книжником употреблять их с неполногласными корнями.

2.3.2. Функционирование русизмов в существительных

В результате анализа также были выделены 40 существительных-русизмов (см. 2-ой столбец ПРИЛОЖЕНИЯ Д).

Русизмы (*въ*) *бологодѣль* и *бологомъ* встретились в текстах «Русская Правда (Пространная редакция)» и «Слово о полку Игореве» в значениях «добродетель» и «добро» соответственно, которые семантически отличаются от значений церковнославянлизмов «благодетель» и «благо». Эти лексемы употребляются в бытовой сфере и разговорной речи, что и отразилось в деловом и светском памятниках: *зане же ему въ бологодѣль и хорониль товарь того* (Русская Правда (Пространная редакция)); *кровави брезъ не бологомъ бяхуть постыни* (Слово о полку Игореве).

Лексема *болото* встретилась в трёх светских памятниках: «Летописные повести о походе князя Игоря», «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет». Она не имеет коррелирующей пары с неполногласным корнем, поэтому можно сказать, что слово стало русизмом в речи и перешло в литературу под воздействием языковой ситуации: *кожухы начания мосты мостити по болотомъ* (Слово о полку Игореве).

Лексема *борода* встречается один раз в «Сказании о Борисе и Глебе». Её употребление можно объяснить тем, что слово функционировало в основном в бытовой сфере, а значит древнерусский книжник «перенес» его из разговорной речи в текст: *борода мала и усь – младъ бо бѣ*.

Существительное *боронения* в тексте «Повесть временных лет» можно объяснить словосочетанием «сесть на мель» – в древнерусскую летопись оно вошло скорее всего из разговорной речи: *боронения земнаго боронима*.

Существительное *борону* в значении «сельскохозяйственное орудие для мелкого рыхления вспаханной земли» [Кузнецов, 2000: 92], встретившееся в памятнике «Русская Правда (Пространная редакция)» пришло в текст из бытовой сферы, поэтому употребляется только в полногласной форме: *даль ему господинъ плугъ и борону*.

Слово (за) *вологу* в значении «питьё» встретилось единожды в памятнике «Русская Правда (Пространная редакция)»: *а за кормъ, и за вологу, и за мяса*. Оно используется как обобщающее для всех напитков и исходит из бытовой сферы, поэтому у него отсутствует коррелирующая пара с неполногласным корнем.

Использование такого русизма, как *волость*, в тексте «Сказание о Борисе и Глебе», особенно в паре с церковнославянизмом *власть* в этом же тексте, можно объяснить его семантической дифференциацией и ранним значением: «*волость* – 1) (с дописьменной эпохи) «власть», «право»; 2) (с XI в.) «область земли, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью»; 3) «округ, принадлежащий городу» [Черных, 1999: 164], а также начавшимся расхождением ранее синонимичных слов.

Проф. В.В. Колесов предложил следующую теорию: эти понятия были разведены, чтобы обозначить особыми терминами разные явления общественной жизни, имеющие отношение к «земле». В X в. слово *власть/волость* было многозначно и обозначало возможность, силу, право на действие. Встречаются также случаи употребления слова *власть* в значении силы или возможности действовать по праву рода [Колесов, 1986: 260].

В XI в. возникла необходимость в слове, которое бы обозначало право владения над «землей», т.е. территорией. Таковым стало слово *власть/волость*, точнее самым древним словом было «*волость*» – именно оно значило «владение», но не «владычество». А Ф.П. Филин отмечал, что «...в

дофеодальную эпоху слово *власть/волость* означало обладание собственностью в границах рода» [Филин, 1949: 79]. Именно поэтому летописец в XI в. колеблется в определении значения слов *власть* и *волость*: они, может быть, уже не тождественны по смыслу.

Во 2-ой половине XI в. *волость* и *власть* ещё означают «владение», потому что обе формы ещё можно свободно найти в тождественном значении. Но к концу XI в. *власть* определяется только как «власть (управление, господство)», а *волость* – «территория, подвластная князю». Это слитное понятие одновременно и власти, и владения, и владетеля к концу XI в. раскладывается надвое в соответствии с условиями и потребностями выражения феодальных отношений: *волость* становится доменом, а *власть* – силой и правом владения им [Колесов, 1986: 261–262].

Выделенные контексты из памятника середины XI в. «Сказание о Борисе и Глебе» подтверждают эту точку зрения: *И оттолъ крамола преста въ Русьскъ земли, а Ярославъ прея въсю волость Русьскую* – «волость» в значении «земля, территория»; *По истинъ въторааго Каинаулови мысль его, яко да избнетъ вся наслѣдьники отъца своего, а самъ приимътъединъ въсю власть* – «власть» в значении «господство».

Существительное *ворота* встречается как в светской, так и в церковнокнижной литературе: *еда къто къ воротомъ приходи въ сию нощъ* (Житие Феодосия Печерского); *загородите полю ворота свои ми острыми стрѣлами* (Слово о полку Игореве). Однако в этих же текстах есть контексты с коррелирующей парой – *врата*, имеющей значение: врата – «святые врата» [Даль, 1880: 264], то есть практически вход в другое пространство («врата ада», «врата рая»).

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что книжник пытался разделить бытовое и библейское значения слова, поэтому *ворота* в данных контекстах выполняет функцию называния бытового предмета.

Лексема *ворогъ* также из разговорного языка перешла в литературу. Причем писцы сознательно употребляли полногласие: оно использовалось

только в прямой речи персонажей, в то время как неполногласный вариант – и в прямой речи, и в основном тексте: *том мя вороже погуби* (Повесть временных лет); *Амбале, вороже* (Повесть об убииении Андрея Боголюбского); *поганы есть всимъ намъ обьчий ворогъ* (Летописные повести о походе князя Игоря).

Однокоренные слова *голова*, *головникъ*, *головничество*, (*на*) *головнѣ*, *изголовие* имеют разные значения: голова используется в деловой и светской литературе для обозначения части тела: *взяша голову его, и во лбѣ его здѣлаша чашию* (Повесть временных лет); *головникъ* и *головничество* – «преступник» и «преступление» соответственно в «Русской правде»: *сплатити имъ во обчи 40 гравенъ, а головничество самому головнику; (на) головнѣ* – «пожарище» в «Поучении Владимира Мономаха»: *посласта Берестию брата на головнѣ; изголовие* – «наволочка» в памятнике «Слово Даниила Заточника»: *паволочито изголовие.* В памятниках светской литературы лексема *голова* используется наравне с неполногласным вариантом корня *-глав-* в пределах одного текста, что говорит о смешении письменного и устного языков.

Лексема *голодъ* также приведена в смешении со своим неполногласным вариантом в пределах одного текста в памятнике «Повесть временных лет»: *бѣ бо голодъ великъ въ градъ.*

Таким же образом можно объяснить использование лексем *голоси* и *глас* в пределах текста «Слово о полку Игореве»: *уныли голоси.*

Также были выделены однокоренные *городъ*, *городище*, *городницы*, *городнѣ* и *огородъ*. Корень *-город-/град-* не имеет принципиального разделения значений, поэтому книжник, скорее всего, совершал смешение разговорной и письменной лексики под воздействием складывающейся языковой ситуации. Как уже было отмечено, чередования с корнями *-город-/град-* самое частотное, потому что у древнерусского человека существовало 4 формы городов, а также *огород*, *город-ограда* и *городище*. Лексемы с этими корнями были выделены почти во всех памятниках деловой и светской

литературы: *Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолъ* (Слово о полку Игореве); *наръчуть дунайци городище Киевъцъ* (Повесть временных лет); *уроци городнику* (Русская Правда (Пространная редакция)); *взяти ему по куню от городни* (Там же); *выволочень в огородъ* (Повесть об убииении Андрея Боголюбского).

Общие названия жителей города – *городище* и *городсане* – в основном функционируют в полногласном виде в деловой и светской литературе: будучи в речи, они подверглись изменению, а полногласные формы уже вошли в литературу: *видѣвше горожане изнемагающа своих* (Летописные повести о походе князя Игоря). Однако в церковнославянской литературе устойчиво функционируют лексемы с неполногласным вариантом корня.

Однокоренные *заморозъ* и (*на*) *морозъ*, встретившиеся в памятнике «Повесть временных лет», в пределах одного текста имеют однокоренную лексему с неполногласным вариантом корня – *мрази*: *на морозъ держими и вкаряеми, бъ бо уже въ заморозъ, но приспъяше зима и мрази лютии.* Лексемы не имеют семантической дифференциации, поэтому употребление этих русизмов можно объяснить как смешение языков – древнерусского и церковнославянского.

Во всех видах литературы было встречено существительное *золото*, а в деловой и светской однокоренное ему – *золотникъ* (в значении «монета»). Употребление полногласной формы последнего объясняется тем, что лексема использовалась в быту. А употребление русизма *золото* в памятнике «Житие Феодосия Печерского» (2 *гривнъ золота*) в значении «золотые монеты, деньги» можно объяснить случайным допущением книжника, в то время как другой пример (*серебро и золото*) из памятника «Сказании о Борисе и Глебе» функционирует в значении «благородный металл желтого цвета, изделия из такого металла». Таким образом, возможно, книжник хотел разделить эти значения графически.

Однокоренные русизмы *колода* в значении «лежачее толстое дерево, бревно или немалый и толстый отрубок, срубленое голомя, лежачее дерево в лесу» [Даль, 1881: 139–140] и *колодникъ* в значении «пленник» используются в тексте, потому что им нет эквивалента в таком же значении с корнем *-клад-*: *Убиену же Глѣбови и повържену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама* (Сказание о Борисе и Глебе); *въпросиша колодникъ* (Повесть временных лет).

Использование русизма *норовъ* в светских текстах наравне с неполногласным вариантом этого же корня *нравъ* объясняется дифференциацией их значений: как было описано в предыдущем параграфе, *норовъ* в анализируемых текстах имеет семантику «обычай», а *нравъ* – «нрав, характер»: *творящие норовы поганьскыя* (Повесть временных лет); но *жидовъский род въ мори очистишиася от египетскаго злаго нрава* (Там же). Возможно, книжник хотел графически разделить эти значения.

Лексема *паволокы* в значении «дорогая шёлковая ткань» используется в тексте, потому что ей нет эквивалента в таком же значении с корнем *-влак-*: *съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты* (Слово о полку Игореве).

Существительное *полотенца* встречается единожды в «Берестяных грамотах». Очевидно, что оно используется в тексте в значении «лист, пластина», потому что предмет использовали в бытовой сфере: *полотенца со дова цереленая*.

Существительное *солоду* в значении «продукт из проросших и смолотых зёрен хлебных злаков» [Кузнецов, 2000: 1233] в деловом тексте «Русская Правда (Пространная редакция)» употребляется, во-первых, потому что у него нет семантического эквивалента с неполногласным корнем; во-вторых, потому что слово использовалось в быту и оттуда перешло в древнерусский памятник: *7 въдеръ солоду на недѣлю*.

Лексема *соромъ* встретилась в нескольких памятниках деловой и светской литературы, но в разных значениях: *соромъ ми, оже ми лихомълвляше* – позор мне, что ты зло со мной говорил (Берестяные грамоты),

взяти гравна кунъ за соромъ – взять гривну кун за оскорбление (Русская Правда (Пространная редакция)). А в памятнике «Повесть временных лет» полногласный и неполногласный вариант лексемы встречаются даже в соседних предложениях: *мертьвы бо сорома не имаеть. Аще ли побъгнемъ, то срамъ нам.* Очевидно, что лексемы употребляются в одном тексте не для подчеркивания их семантической дифференциации, так как значение одно и то же, а, возможно, являются результатом случайного допущения книжником вследствие складывающейся языковой ситуации.

Русизм *сторожи* встретился только в памятниках светской литературы. Он практически заменил церковнославянизм *стражи* с тем же значением, хотя в «Повести временных лет» ещё употребляется в двух случаях. Можно сделать вывод, что в памятниках светской литературы книжники стали употреблять русизм, как следствие влияния русского языка на церковнославянский, в то время как в церковнокнижных памятниках этой тенденции ещё не замечено: *русьстии князи послаша сторожъ свои.*

Русизм *сторона* употребляется в большем количестве в памятниках светской литературы и в меньшем – церковнокнижной.

Проф. В.В. Колесов утверждает, что «слово *страна* употребляется в текстах, которые описывали войны, походы, нашествия, «страна» и представлялась как сторона враждебная» [Колесов, 1986: 253]. *Страна* составляла оппозицию *земле*, которая выступала в значении «родной стороны», но эта оппозиция закрепилась только на рубеже XII–XIII вв. [Там же: 252]. К концу XII в. произошло разделение значений слов *сторона* и *страна* [Там же: 253–254] как «направление по отношению к чему-то» и «чужая земля» соответственно, а до этого момента происходило смешение значений, что можно увидеть в контекстах проанализированных памятников: *есть сторонъ пути того за горою* (Хождение игумена Даниила), но *въ Русъскѣй сторонѣ велицѣй* (Сказание о Борисе и Глебе); *воюеть на тѣхъ сторонахъ* (Повесть временных лет), но *поступимъ на ону сторону рѣкъ* (Там же) и *на правой сторонѣ* (Там же)

Можно сделать вывод, что, по-видимому, в некоторых случаях древнерусский книжник сочетал русизмы и церковнославянизмы в пределах одного текста под влиянием языковой ситуации, а в других разделял их в соответствии с их значениями и функциями.

Лексема *суморокъ*, встретившаяся в памятнике «Повесть временных лет», имеет значение «сумерки». Возможно, это слово попало в летопись из разговорной речи, тем самым показывая смещение русского и церковнославянского языков: *въ вторникъ вечеръ в суморокъ*.

Очевидно, та же ситуация произошла с существительным *хороборьствомъ*: книжник употребил русизм в светском памятнике, потому что он использовался в разговорной речи древнерусских людей: *бъша стяжали ваши дѣди и отци ваши трудомъ великимъ и хороборьствомъ* (Повесть временных лет).

Использование лексемы *хоромы*, особенно в паре с церковнославянизмом *храм* в пределах одного текста, объясняется его семантической дифференциацией: до XIII в. лексемы *храм* и *хоромы* имели одно и то же значение, и В.В. Колесов утверждает, что только в конце XIII в. храмом стал называться церковный дом («...божий дом стал “храмом”...» [Колесов, 1986: 198]), и, соответственно, хоромами – «...дом или крыша (прямое значение слова)...» [Там же: 207].

Эта тенденция отмечается ещё в текстах XI–XII вв.: *убѣжисть в хоромъ* (Русская Правда (Пространная редакция)); *приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ* (Повесть временных лет), но *с вѣрою приходящимъ въ святый храмъ* (Там же).

2.3.3. Функционирование церковнославянизмов в оимах

Онимы необходимы для выделения именуемого ими объекта среди других в том же классе. Обычно онимы вторичны по отношению к апеллятиву, но некоторые создаются сразу как имена собственные.

В ходе анализа было выделено 10 онимов-церковнославянизмов: *Ангивладъ*, *Бѣльградъ*, *Владимерович*, *Владимири*, *Златоустець*, *Златоязычнику*, (в) *Костянтинъградъ*, *Новуграду*, *Царьградъ*, *Цесарьградъ*.

Некоторые онимы представляют собой антропонимы (*Ангивладъ*, *Владимири*, *Златоустець*), другие – топонимы (*Бѣльградъ*, *Владимири*, *Златоязычнику*, (в) *Костянтинъградъ*, *Новуграду*, *Царьградъ*, *Цесарьградъ*), а также есть один патроним (*Владимерович*).

В первую очередь необходимо отметить, что корнями для образования данных онимов являются *-влад-*, *-злат-* и самый частотный – *-град-*, ведь этот корень является основой для образования многих названий городов.

Онимы-церковнославянизмы встретились как в памятниках церковнокнижной литературы (*Бѣльградъ*, *Владимерович*, *Владимири*, *Златоязычнику*, *Новуграду*, *Царьградъ*, *Цесарьградъ*), что считается естественным, так и в текстах светской литературы (*Ангивладъ*, *Бѣльградъ*, *Владимири*, *Златоустець*, (в) *Костянтинъградъ*, *Новуграду*, *Царьградъ*, *Цесарьградъ*).

Кроме того, в некоторых светских текстах неполногласный вариант онима сосуществует вместе с полногласным вариантом в пределах одного текста: *Володимъръ заложи град Бѣльградъ*, но *дасть ему отець Бѣльгородъ* (Повесть временных лет); *Владимири по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ – Володимири подъ ранами* (Слово о полку Игореве).

Онимы-церковнославянизмы в данных текстах выполняют свои основные функции – номинативную, идентификационно-дифференцирующую, а также информационную.

В текстах церковнокнижной литературы онимы-церковнославянизмы используются для соблюдения канона и правил написания – это так называемые «клише». В текстах светской литературы они встречаются под воздействием языковой ситуации – влияния церковнославянского языка на

все тексты, особенно это подчеркивается употреблением полногласного и неполногласного варианта слова в пределах одного текста.

2.3.4. Функционирование русизмов в онимах

Следующие 18 существительных-русизмов были выделены в ходе анализа: *Бѣловолодъ, Бѣльгородъ, Володимерьну, володимерцъ, Володимириь, Володимѣричъ, Всеволодичъ, Всеволодъ, Вышегородъ, вышегородци, Городиславъ, Городю, Звенигороду, (на) Золотьчи, Новъгород, новъгородьци, Рогъволоводъ, (изъ) Царягорода.*

Выделенные онимы можно разделить на следующие типы:

- 1) антропонимы (*Бѣловолодъ, Володимириь, Всеivolодъ, Городиславъ, Рогъволоводъ*);
- 2) топонимы (*Бѣльгородъ, Вышегородъ, Городю, Звенигороду, (на) Золотьчи, Новъгород, (изъ) Царягорода*);
- 3) патронимы (*Володимерьну, Володимѣричъ, Всеvolодичъ*);
- 4) этнохоронимы (*володимерцъ, вышегородци, новъгородьци*).

Наличие онимов-русизмов, обнаруженных в памятниках **деловой** (*Володимириь, Володимѣричъ, Всеvolодичъ, Всеivolодъ, новъгородьци*), **светской** (*Бѣловолодъ, Бѣльгородъ, Володимерьну, володимерцъ, Володимириь, Володимѣричъ, Всеvolodичъ, Всеivolодъ, Вышегородъ, вышегородци, Городю, Звенигороду, (на) Золотьчи, Новъгород, новъгородьци, Рогъволоводъ, (изъ) Царягорода*), а также **церковно-книжной** литературы (*Володимириь, Всеvolодичъ, Всеivolодъ, Вышегородъ, Городиславъ, Новъгород*), приводит к выводу, что в ранний древнерусский период под воздействием складывающейся языковой ситуации свой вид и функции быстрее всего начали менять именно онимы.

Этнохоронимы *володимерцъ, вышегородци* и *новъгородьци* используются в текстах только в полногласном варианте, как и первичные топонимы в этих текстах, и это приводит к выводу, что этнохоронимы,

употреблявшиеся древнерусскими людьми в разговорной речи, также очень рано изменили форму с неполногласной до полногласной под воздействием языковой ситуации: *прииде внезапу и зая володимерцъ и можемъ головы свою с вышегородци положити* (Повесть временных лет); *хощу ти вырути въ тя луцьшаго новъгорожянина* (Берестяные грамоты).

Возможность влияния русского языка на церковнославянский можно отметить в том, что в некоторых церковнокнижных текстах как раннего периода (начало XI в.), так и более позднего (конец XII–XIII вв.) допускается сосуществование коррелирующих пар онимов в пределах одного текста: *великааго кагана нашеа земли Володимера* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона), но *кагану Ярославу, сыну Владимирию* (Там же); *поставленъ бысть епископъ Новугороду* (Киево-Печерский патерик), но *бысть епископъ Новуграду* (Там же); *бысть посланъ от Володимера Мономаха* (Там же), но *князъ Владимиръ Всеволодичъ Монамах* (Там же).

Необходимо обратить внимание, что корнями для образования данных онимов являются *-волод-*, *-золот-* и самый частотный – *-град-*, также потому, что этот корень является основой для образования названий городов.

Частотность онимов с корнем *-волод-* связана с тем, что по отношению к князьям очень редко применяли местоимения, в каждом упоминании должно было указываться имя описываемого князя, кроме того, корень являлся основой самого известного древнерусского антропонима и топонима – *Володимиръ*.

Помимо основных функций – номинативной, идентификационно-дифференцирующей и информационной – функция у онимов-руссизмов социальная – служить индивидуализирующем указанием на определённый предмет.

2.4. Функционирование прилагательных с полногласными и неполногласными корнями

Известно, что исторически прилагательные вторичны по отношению к существительным.

В выявленных прилагательных (20 из них включают русизмы и 76 – церковнославянизмы) можно выделить 3 группы:

- а) качественные: *благъ, молодъ, хоробръ* и др.;
- б) относительные: *браньна, володимерьская, паволочито* и др.;
- в) притяжательные: *Володимерова, вражие* и др.

Также в результате анализа приведенных контекстов было выявлено 11 коррелирующих пар одной части речи – прилагательного: *Бѣлогородским – Белоградскій, володимерьская – Владимирскаго, голодна – гладньое, городнаа – градныя, дороже – драгый, золотоверхая – златоверхой, золотыми – златое, молодъ – младъ, пороздънъ – праздный, сторова – здравъ, хоробръ – храбръ.*

2.4.1. Функционирование церковнославянизмов в прилагательных

В ходе проведённого анализа были выделены следующие прилагательные-церковнославянизмы, которые представлены в приложении (см. 3-ий столбец ПРИЛОЖЕНИЯ Д).

Прилагательные, образованные от онимов (*Белоградскій, Владимирскаго, Городеньский, Златоустый*), немногочисленны – в основном они встречаются в церковнокнижных памятниках и указывают на город, в котором служили епископы и правили князья (*Лука Белоградскій; Стефанъ Владимирскій; от епископа Симона Владимирскаго; Городеньский Мъстиславъ*); прозвище (*Иоанна Златоустаго*); обозначают согласованное определение (*красоты Владимирскиа*). Все эти прилагательные согласованы с главным словом и без него не существуют.

Прилагательные с самым производительным корнем *-благ-* также во всех контекстах имеют главное слово и являются его согласованным определением: *единого человѣка обратившаго толико възмездие от благааго Бога* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона); *тотъ приимъ мысль благу* (Летописные повести о походе князя Игоря); *и блаженъ есть, иже не съблазниться о мнъ* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона) и т.д. Как и существительные с этим корнем, прилагательные являются только церковнославянismами и не имеют пар с полногласными вариантами корня ни в церковнокнижных, ни в светских памятниках, благодаря чему можно прийти к выводу, что, как и у существительных, их природа только церковнославянская, и влиянию разговорного языка они подвержены не были. Этот вывод подтверждается тем, что ни одно из прилагательных с этим корнем не употреблено в памятниках деловой литературы.

Важно отметить, что практически все эти прилагательные не имеют полногласного варианта и употребляются в текстах в неполногласном виде. В основном только самые частотные прилагательные, употребляющиеся и в литературе, и в речи, приобрели коррелирующие пары из-за влияния русского языка на церковнославянский: *гладьное – голодна, драгий – дорогое, златое – золотыми, младъ – молодъ, праздный – порозднъ, здравъ – сторова, храбръ – хоробръ*. Конечно, более всего это заметно в памятниках деловой и светской литературы.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, несмотря на складывающуюся языковую ситуацию, прилагательные-церковнославянизмы продолжали сохранять свою форму и функции: быть определением главного слова и передавать признаки существительных в текстах данного периода.

2.4.2. Функционирование русизмов в прилагательных

Однако некоторые прилагательные всё же подвергались влиянию русского языка и меняли свою форму: *Бѣлогородским, Володимерова, володимерьская, вышегородьская, голодна, городеньский, городнаа, дорогое, золотоверхая, золотыми, коротокъ, молодъ, невѣголоси, новгородьское, павоочито, порозднъ, прозорочьными, сторова, хоробръ.* Эти формы отмечены в основном в памятниках деловой и светской литературы.

В текстах церковно-книжной литературы было выделено только 5 прилагательных-русизов:

- 1) *вышегородьский* – в памятнике «Сказание о Борисе и Глебе» по аналогии с онимом *Вышегородъ*, который в данных текстах представлен только в полногласном варианте (*вышегородьский мужсъ*);
- 2) *городнаа* – в памятнике «Хождение игумена Даниила». Этот случай интересен тем, что в пределах этого текста есть и неполногласный вариант корня – *градныя*, употребляющийся в контексте *от врат градных* с церковнославянизмом *врата*. Но прилагательное-русизм используется в контексте *ворота* *городнаа* с русизмом *ворота* без особенной мотивации, что может говорить о влиянии русского языка на это словосочетание;
- 3) *прозорочьными* – в контексте *прозорочьными очима* (Житие Феодосия Печерского), прилагательное не имеет неполногласной пары;
- 4) *порозднъ* – в контексте *дьни порозднъ*. Также в пределах одного текста встречается это прилагательное с неполногласным корнем, например *азъ празднъ* (Житие Феодосия Печерского), что также указывает на смешение языковых норм в одном церковно-книжном тексте;
- 5) *Володимерской* – прилагательное встретилось в двух текстах: «Житие Феодосия Печерского» и «Сказание о чудесах владимирской иконы

Богородицы» в контекстах *въ Володимирьскую оболость* (также в зависимости от полногласного существительного) и *Богородици Володимерьской*. Оба текста не имели неполногласного варианта прилагательного с этим корнем, то есть древнерусские писцы осознанно употребляли полногласное определение.

Остальные прилагательные, встретившиеся в памятниках деловой и светской литературы, являются общими и даже бытовыми, из чего можно сделать вывод, что прилагательные-русины, использовавшиеся в бытовой сфере, постепенно входили и в литературу, при этом сохраняя функции.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Памятники древнерусской литературы XI–XII вв. ясно показывают языковую ситуацию этого периода: сосуществование церковнославянского и древнерусского языков и их эволюционное развитие. Нет основания утверждать, что эволюционировал только русский язык. Церковнославянский, несомненно, также претерпел некоторые изменения [Улуханов, 2003]: эту теорию подтверждает его динамика и устойчивость (многие церковнославянизмы вышли за пределы церковнославянского языка и функционируют в РЛЯ).

Проведённый анализ древнерусских памятников позволяет создавать следующую картину: контексты с русизмами и выделенные русизмы в лексемах составляют лишь четверть всего проанализированного материала. Из этого следует, что влияние русского языка на церковнославянский только началось и проявляется в основном в памятниках деловой письменности и светской литературы, в то время как церковнокнижная литература продолжает придерживаться канона в употреблении языковых средств.

Церковнославянский язык в свою очередь тоже воздействует на русский, так как памятники деловой письменности так же не свободны от церковнославянизмов, а содержание их в светских текстах гораздо более половины.

Таким образом, формируются следующие выводы:

- 1) памятники древнерусской литературы в полной мере показывают, что взаимовлияние языков действительно началось в ранний древнерусский период;
- 2) памятники деловой письменности, несмотря на свою специфику и удаление от духовной сферы, не лишены церковнославянизмов (20%);
- 3) к XII в. содержание русизмов в текстах церковнокнижной литературы достигло 10%, но лексемы с неполногласными корнями всё же занимают большую часть;

4) памятники светской литературы, которые создавались вне церковной парадигмы, активно сочетают русизмы, которых меньшая часть (35%), и церковнославянизмы (65%).

Кроме того, были выделены самые частотные корни – *-болог-/благ-*, *-волод-/влад-*, *-ворот-/врат-*, *-город-/град-*. Эти корни являются основой для большого количества лексем, что позволяет сделать вывод об их важной роли в русской ментальности, культуре и языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате обобщенного исследования функционирования церковнославянанизмов и русизмов в историко-культурном, семантико-стилистическом и лексикографическом аспектах в контексте языковой ситуации сосуществования церковнославянского и древнерусского языков, можно сделать следующее заключение:

1. Современный русский литературный язык вобрал большое количество языковых единиц древнерусского периода как в церковнославянском облике, так и русском. Большая часть церковнославянанизмов и русизмов вошла в активный словарь русского языка, некоторые лексемы поменяли своё значение, но большинство сохранило семантические и стилистические функции.

Пассивный словарь русского языка приобрёл большое количество историзмов и архаизмов, часть последних функционирует в русском языке и описывается в словарях с пометами.

2. В группе существительных-апеллятивах, существительных-онимах и прилагательных могут быть выделены в соответствии с особенностями функционирования следующие группы церковнославянанизмов:

- a) церковнославянизмы семантически или лексикографически имеют отношение к сакральной или инфернальной сфере (*врата, глас, храм* и др.);
 - б) книжник соблюдал канонические правила при написании текстов (*бразду, градъ, класа* и др.);
 - в) церковнославянизмы не были подвержены влиянию древнерусского языка (*брань, власы, кратъ* и др.).
3. Русизмы в существительных-апеллятивах, существительных-онимах и прилагательных обладают следующими особенностями функционирования:

- а) употребляются для описания предметов и явлений бытовой сферы (*борода, борону, полотенца* и др.);
- б) используются при отсутствии семантического слова-эквивалента с неполногласным корнем (*колода, паволокы*);
- в) графически показывают расхождение ранее синонимичных слов (*волость, норовъ*);
- г) дифференцируют семантику слов (*золото, сторона, хоромы* и др.);
- д) доказывают смешение церковнославянского и древнерусского языков (*болото, город, суморокъ* и др.).

4. Многие существительные-апеллятивы приобретали коррелирующие пары, которые также проникали во многие тексты, иногда пара могла использоваться в пределах одного текста.

Онимы в первую очередь подверглись влиянию русского языка и очень быстро стали употребляться с полногласным корнем.

Прилагательные-церковнославянизмы сохраняли свою форму, кроме функционирующих в бытовой сфере – они приобретали полногласную форму.

В дальнейшем возможно рассмотрение лексем с данными корнями на материале текстов XIII–XIV вв., а также анализ лексем с корнями рефлекса типа **tert* и **telt* в выбранных текстах. В таком случае будут обнаружены особенности значения и функции церковнославянизмов и русизмов в более поздних текстах и показана картина дальнейшего развития языковой ситуации, что даст нам большее понимание русской ментальности, культуры и языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Научная литература

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.
2. Алексеев А.А. Почему в Древней Руси не было диглоссии // Литературный язык Древней Руси. Л., 1986. С. 3–11.
3. Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв. // Вопросы языкоznания. 1987. № 2. С. 34–46
4. Алексеев. А.А. Задачи научного издания славянских и русских источников XI–XVI вв. // Вопросы языкоznания. 1988. № 4. С. 26–36
5. Баренбаум И. Е. История книги. М.: Книга, 1984. 248 с.
6. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. 231 с.
7. Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 255 с.
8. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. 336 с.
9. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
10. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Издательство «Наука», 1977. 312 с.
11. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Издательство «Наука», 1978. Т 4. 322 с.
12. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 432 с.
13. Голышенко В.С. Летописи // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 215–220.

14. Живов В. М. О церковнославянском языке / А.А. Плетнева, А.Г. Кравецкий. Церковнославянский язык. М., 2001. С. 11–27.
15. Живов В. М. Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Советское славяноведение. 1985. Вып. 3. С. 70–85.
16. Иванов В.В. Неполногласие // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 264–265.
17. Иванов В.В. Полногласие // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 352–353.
18. Иванова М.В. Древнерусский язык // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 123–124.
19. Иванова Т. А. Старославянский язык: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 224 с.
20. История русского литературного языка: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Сост. А. Н. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 319 с.
21. Касаткин Л.Л. Церковнославянский язык // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 615–616.
22. Киынова Ж.К. Славянизмы как историко-культурный феномен: синхрония vs. диахрония: монография. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2014. 232 с.
23. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. Р.А. Киреевой; Коммент. составили В.Г. Зимина, Р.А. Киреева. М.: Мысль, 1989. 476 с.
24. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и Зло. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 304 с.

25. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 312 с.
26. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2004. 703 с.
27. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
28. Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. 7-е изд. М.: Высш. шк., 2003. 336 с
29. Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
30. Максарова Н.В. Древнерусские и церковнославянские формы в языке литературы Древней Руси XII–XIV вв.: Концептуальный аспект: дис.... к. филол. н.: 10.02.01. Краснодар, 2004. 207 с.
31. Низаметдинова Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII в. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 235 с.
32. Обнорский С. П. «Русская правда» как памятник русского литературного языка // М.: Изв. АН СССР. Серия VII. Отделение обществ. наук, 1934. № 10. С. 749–776.
33. Порохова О. Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах: монография. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. 264 с.
34. Ремнева М.Л. Литературный язык Древней Руси: Некоторые особенности грамматической нормы. М.: Издательство Московского университета, 1988. 143 с.
35. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 1995. 332 с.
36. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (дата обращения: 27.05.2018).

37. Толстой Н.И. Старославянский язык // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Каулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 536–537.
38. Толстой Н.И. Этическое самопознание и самосознание Нестора летописца, автора «Повести временных лет» // Исследования по славянскому историческому языкоznанию. М., 1993. С. 4–12.
39. Трубачёв О.Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкоznания // Вопросы языкоznания. 1994. № 6. С. 3–15.
40. Улуханов И.С. О языке Древней Руси. М., 2015. 202 с.
41. Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке: глаголы с неполногласными приставками. М.: Управление технологиями, 2004. 272 с.
42. Улуханов И.С. Церковнославянский язык русской редакции: сфера распространения и причина эволюции [Электронный ресурс] // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2003. № 8. С. 1–26. URL: <http://philology.ru/linguistics2/ulukhanov-03.htm> (дата обращения: 7.05.2018).
43. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
44. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949. 288 с.
45. Шапир М.И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и её сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI–XVII вв.)» // Russian Linguistics. 1989. Вып. 13, № 3. С. 271–309.
46. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
47. Швейцер А.Д. Социолингвистика // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Каулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 523–525.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). Т.1. С.-Петербург, М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 723 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). Т.2. С.-Петербург, М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. 807 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 01.04.2018).
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Русский язык [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://russkiyyazik.ru> (дата обращения: 27.05.2018).
6. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997.
7. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т.1. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. 856 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т.2. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. 886 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М.: Издательство «Прогресс», 1964. 563 с.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. М.: Русский язык, 1999. 623 с.

Источники

Памятники деловой письменности

1. Берестяные грамоты // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4948> (дата обращения: 17.03.2018).
2. Русская Правда (Краткая редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4946> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Русская Правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4947> (дата обращения: 11.03.2018).

Памятники церковнокнижной литературы

4. Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-2163> (дата обращения: 13.03.2018).
5. Житие Мефодия // Библиотека литературы Древней Руси. Т.2: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-2164> (дата обращения: 13.03.2018).
6. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4872> (дата обращения: 12.03.2018).
7. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4945> (дата обращения: 16.03.2018).

8. Послание Клиmenta Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4935> (дата обращения: 16.03.2018).
9. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4871> (дата обращения: 12.03.2018).
10. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4938> (дата обращения: 16.03.2018).
11. Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4936> (дата обращения: 16.03.2018).
12. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4868> (дата обращения: 12.03.2018).
13. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4934> (дата обращения: 16.03.2018).

Памятники светской литературы

14. Летописные повести о походе князя Игоря // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tapid-4940> (дата обращения: 16.03.2018).

15. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL:<http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4870> (дата обращения: 12.03.2018).
16. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 12.03.2018).
17. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4937> (дата обращения: 16.03.2018).
18. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4874> (дата обращения: 12.03.2018).
19. Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4873> (дата обращения: 12.03.2018).
20. Поучения к простой чади // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4943> (дата обращения: 16.03.2018).
21. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4942> (дата обращения: 16.03.2018).
22. Слово Моисея Выдубицкого // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4944> (дата обращения: 16.03.2018).

23. Слово о князьях // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4939> (дата обращения: 16.03.2018).
24. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т.4: XII век [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4941> (дата обращения: 16.03.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Церковнославянизмы в древнерусском тексте (количественные показатели)

	существительное	прилагательное	глагол и глагольные формы	наречие
-бород-/ -брад-	брадъ (4)			
-борозд-/ -бразд-	бразду (2)			
-борон-/ -бран-	брань (42) възбранение (1)	браньна (1) възбраньному (1)	бранити (8) възбранить (15) избрани (1)	невъзбранно (2)
-борот-/ -брат-	обращения (2)		богоизбраннъй (1) богосъбранный (1) избрата (6) обратить (42) събраться (3)	
-ворог-/ -враг-	врагъ (100) вражду (11) изъврагы (1)	вражие (11)	враждующи (3)	
-ворот-/ -врат-	врата (86) вратарю (3) възвращение (2) отвращение (2)	непревратну (1) несъвратну (1)	врати (1) възврати (138) опровратихъ (1) отъвратити (7) превратити (3) развращати (9) съвратить (7) увратиша (1) узъвратиша (4)	
-вороch-/ -врач-	врачъ (10) врачество (3) врачевания (4)	врачевное (2)	врачевати (9) изоврачую (1) уврачуюши (1)	
-город-/ -град-	Бѣльградъ (8) възграждение (1) градище (4) градъ (456) гражданинъ (11) (в) Костянтинъградъ (1) Новуграду (5) оградъ (11) ограждение (2) (у) преграды (1)	Белоградский (1) градныя (7) градъский (5)	възградити (14) загради (5) оградиша (15) преградиша (1) разгражену (1) съгради (2)	

	Царьградъ (23) Цесарьградъ (32)			
-дорог-/ -драг-		драгый (18)	подража (12)	драго (1)
-здоров-/ -здрав-	здравие (23)	здравъ (45)	несъздравить (1) създравѣютъ (1)	по здраву (6)
-зорок-/ -зрак-	зракъ (8)			
-корот-/ -крат-	кратъ (4)		окративше (1) сократив (2) украчыше (1)	въкратцѣ (2) многъкраты (1) стократицею (4)
-мороз-/ -мраз-	мрази (4)			
-морок-/ -мрак-	мракъ (5) омрачениемъ (2) помраченье (1)		омрачыше (3) помрачи (7)	
-норов-/ -нрав-	благонравию (2) нравъ (18)	добронравенъ (1) единонравен (1)		единонравнѣ (1)
-пороз-/ -праз-	празднество (2) праздникъ (57) празднования (1) празднословия (1)	непраздна (2) праздный (12) праздъничну (1)	праздновати (18) празднословите (1) упразднить (8)	
-порох-/ -прах-	прахъ (4)			
-смород-/ -смрад-	злосмрадие (1) смрад (16)	смрадное (2)	просмрадиша (1)	
-сором-/ -срам-	срамословье (1) срамота (2) срамъ (8)	срамни (2)	осрамленъ (1) посрамисте (9) срамлятися (1) срамословите (1) усрамися (1)	
-сторож-/ -страж-	стража (7) стражбы (3)		стражете (1)	
-сторон-/ -стран-	иностранны (1) пространство (1) страна (163) странникъ (6) странолюбию (1) странѣствие (1)	пристраниѣе (1) пространнѣе (4) страньнии (22) страннолюбивъ (2) чуждестраннии (1)	пространити (2) распространить (3) странствова (3) устраняйтеся (1)	пространно (2)
-хоробр-/ -храбр-	храбрость (2)	храбръ (27)	храборъствующи (1)	
-хором-/ -храм-	храм (28) храмина (30)			

-хорон-/ -хран-	(на) схранение (1) хранитель (4) хранения (1)		богохранимаго (2) похраните (1) съхрани (38) хранить (42)	
-болог-/ -благ-	благо (24) благоволение (6) благовѣрие (11) благовѣствован ие (2) благовѣстьцѣ (1) Благовѣщение (9) благодарение (5) благодать (121) благодетелю (2) благодѣянію (1) благоизволение (1) благолѣпие (2) благонравию (2) благообразие (1) благопризиран ие (1) благоразумие (2) благородие (1) благословение (63) благостыня (3) благость (3) благоумиа (3) благоутробиа (1) благоухание (16) благочестии (13) блаженство (3)	безъблагодатни (1) благовоына (6) благовѣрный (50) благодарьственаа (2) благодатьная (11) благолюбна (1) благообразни (5) благопотребная (1) благоприатнаа (1) благоразумен (4) благородный (5) благостьнъ (2) благоугодных (1) благоумныа (1) благоуханыый (2) благохвальными (1) благочестивы (14) благочтивыя (1) благъ (118) блаженый (436) богоблаженый (4) неблагоразумна (1) неблагы (1) облаженая (1) преблагословенъ (1) преблагый (1) преблаженне (4) треблаженый (5)	благоволи (7) благовѣстить (13) благодарити (14) благоденьствуемъ (1) благодѣтьствует (1) благоизволи (3) благоисправляющ (1) благослови (101) благотворити (1) благоукрашатися (1) благохвали (2) благоцвѣтущую (1) блажить (7) ублажаше (2)	благовѣрно (1) благолѣпно (1) благоприятно (1) блаже (1)
-болот-/ -блат-	(въ) блата (1)			
-волог-/ -влаг-	влагы (2)		влагаютъ (7)	
-волод-/	Ангивладъ (1)	Владимерьского	владычествоваша (4)	

-влад-	Владимерович (1) Владимиръ (27) владыка (86) владычество (2) владычица (24) властеле (4) властелинъ (8) власть (76) единовластець (1) самовласть (1)	(5) владыченъ (9) самовластна (1)	владѣти (11) съвладѣю (1)	
-волок-/ -влак-			влачахути (1) привлачить (3)	
-волос-/ -влас-	власы (12) власяна (1) власяница (20)			
-голов-/ -глав-	възглавница (1) глава (83)	вельглави (1) главни (2)		
-голод-/ -глад-	гладъ (37)	гладъное (7)		
-голос-/ -глас-	глас (97) невглас (8) разногласию (1) съглашение (1)	безгласенъ (1) богогласныихъ (1) велегласнѣйши (1) гласъная (2) единогласни (1) съгласная (1)	възгласи (3) гласять (1) изъгласивше (1) огласи (2) пригласивъ (2)	велегласно (4) единогласно (1)
-золот-/ -злат-	златникъ (3) злато (121) Златоустець (2) Златоязычнику (1)	златоверхой (2) златое (40) златозарныхъ (1) Златоустый (3)	златокованнѣмъ (2) злачеными (2) позлати (6)	
-колод-/ -клад-	кладки (1) кладу (3) кладязъ (42) наклади (2) перекладная (2) подъкладъ (2) поклажай (3) прикладъ (2)		въкладайте (1) въскладаше (5) закладаше (3) кладеть (6) накладень (1) покладоша (4) прикладаше (6) складохъ (3) укладаеть (1)	
-колос-/ -clas-	класа (1)			
-молод-/ -млад-	младенець (25) младости (1) младоумия (1)	младъ (9)	младеньствуите (3)	измлада (4)
-оболок-/ -облак-	облакъ (17)	облаченъ (3)	облачитися (3) пооблачилося (1)	
-полом-/	пламень (27)	пламенное (4)		

-плам-				
-полот-/ -плат-	платки (2) платьна (1)		заплатить (2) исплатенныхъ (1) платити (6) сплатана (1)	
-солод-/ -слад-	сладость (9)	сладкий (32) сладкоядный (1) сластнааго (1)	насладится (8) ослади (3)	сладъко (4)
-холод-/ -хлад-	ухлаждение (1) хладъ (2)	хладному (1)	прохладив (1)	

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Русизмы в древнерусском тексте (количественные показатели)

	существительное	прилагательное	глагол и глагольные формы	наречие
-бород-/ -брад-	борода (4)			
-борозд-/ -бразд-	боронения (1)			
-борон-/ -бран-	борону (1)		боронима (1) възборони (1) оборонили (2)	
-борот-/ -брат-			бороти (6) заборолѣхъ (1) оборотилися (2) перебороти (1)	
-ворог-/ -враг-	ворогъ (5)		ворожьбитъ (3)	
-ворот-/ -врат-	ворота (19)		возвороти (11) вортить (16) възворотить (2) опроворотиль (1) уворотимся (1) узвортися (2)	
-город-/ -град-	Бѣльгородъ (7) вышегородци (2) Вышегородъ (18) Городиславъ (1) городище (1) городища (2) городници (2) городнѣ (4) Городцю (6) городъ (231) горожане (8) Звенигороду (2) Новъгород (76) новъгородьци (33) огородъ (1) (изъ) Царягорода (1)	Бѣлогородским (4) вышегородъскыя (2) городеньскии (1) Городеньский (1) городнаа (2) новгородъское (2)	города (1) загородите (1) огородилося (2) перегородить (1) прегородиша (2)	
-дорог-/ -драг-		дорогое (3)		
-здоров-/ -здрав-		сторова (2)	незддоровить (2)	поздрову (1)
-зорок-/ -зрак-		прозорочьными (1)	позоровати (2)	

-корот-/		коротокъ (2)		
-крат-				
-мороз-/	заморозъ (1)			
-мраз-	(на) морозъ (1)			
-морок-/	суморокъ (1)			морочно (1)
-мрак-				
-норов-/	норовъ (5)			
-нрав-				
-пороз-/		пороздънь (1)		
-праз-				
-порох-/			испорохнѣти (1)	
-прах-				
-сором-/	соромъ (6)		осоромяты (1)	
-срам-				
-сторож-/	сторожи (18)			
-страж-				
-сторон-/	сторона (34)			
-стран-				
-хоробр-/	хоробрьствомъ	хоробръ (3)		
-храбр-	(1)			
-хором-/	хоромы (6)			
-храм-				
-хорон-/			похорони (7)	
-хран-			схоронити (1)	
			хоронили (4)	
-болог-/	(въ) бологодѣль			
-благ-	(1)			
	бологомъ (2)			
-болот-/	болота (5)			
-блат-				
-волог-/	(за) вологу (1)		вологи (2)	
-влаг-				
-волод-/	Бѣловолодъ (1)	Володимерова (4)	володѣютъ (6)	
-влад-	володимерцѣ (5)	володимерская (9)		
	Володимерну (1)			
	Володимиръ (469)			
	Володимѣричъ (5)			
	волость (19)			
	Всеволодичъ (13)			
	Всеволодъ (39)			
	Рогъволодъ (2)			
-волос-/	паволокы (20)	паволочито (3)	волосъ (2)	
-влак-			възволочаше (1)	
			выволокоша (3)	
			изъволочити (1)	
			поволокоша (2)	
			узволоче (1)	

-голов-/	голова (26)			
-глав-	головникъ (5) головничество (1) (на) головнѣ (1) изголовие (1)			
-голод-/	голодъ (7)	голодна (1)		
-глад-				
-голос-/	голоси (2)	невѣголоси (1)		
-глас-				
-золот-/	золотникъ (7)	Золотоверхая (1)	позолоти (2)	
-злат-	золото (19) (на) Золотъчи (1)	золотыми (4)		
-колод-/	колодникъ (4)			
-клад-	(межю) колодама (1)			
-молод-/		молодъ (9)	помолодити (1)	измолода (1)
-млад-				
-молот-/			измолото (1)	
-млат-			молоти (4)	
-оболок-/			оболочашети (5)	
-облак-				
-полот-/	полотенца (1)			
-плат-				
-солод-/	солоду (3)			
-слад-				

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Лексемы в современном русском языке

Активный словарь		Пассивный словарь	
1. Лексемы, употребляющиеся в современном русском языке в том же значении	2. Лексемы, употребляющиеся в современном русском языке в другом значении	3. Историзмы	4. Архаизмы
благо благоволение благовонына благовѣрный Благовѣщение благодарение благодарственaa благодатьная благодать благодетелю благодѣяню благолѣпие благонравию благообразие благообразнii благоприатнаa благоразумен благоразумие благородие благородный благословение благостыня благость благостьнь благоухание благоуханъный благочестивый благочестии благъ блаженый блаженство болота борода борону Бѣлогородским Бѣльгородъ Бѣльградъ влагы Владимирovich Владимирскаго Владимиръ	брань браньна волость вратарю вышегородци главниi гласьная городище гражданинъ единогласни изголовие иностранны кладки норовъ оградъ пламенное подъкладъ полотенца прикладъ пространство сторожи страньниi	Ангивладъ Бѣловолодъ власяна городеньский Городеньский Городиславъ городища городници городнѣ градища златникъ Златоустецъ Златоустый Златоязычнику золотникъ (на) Золотчи кладу наклади паволоки паволочито перекладная поклажай Рогъволодъ стражбы	безгласенъ безъблагодатниi Белоградскый благовѣрие благовѣствование благовѣстьцѣ благоизволение благолюбна благопотребная благопризирание благоугодных благоумия благоумныма благоутробиа благохвальными благочтивыя (въ) блаты богоблаженый богогласнныхъ (въ) бологодѣль бологомъ боронения брадѣ бразду велегласнѣйши вельглави владыченъ властеле власы (за) вологу Владимирова владимерцѣ Владимирну владимерьская Владимиръ Владимиръричъ ворогъ врата врачевное врачество вѣзранение

владыка			възбранныму
владычество			възглавница
владычица			възграждение
властелинъ			гладъ
власть			гладъное
власяница			глас
ворота			головникъ
врагъ			головничество
вражду			городнаа
вражие			градныя
врачевания			градъ
врачъ			градъский
Всеволодичъ			драгый
Всеволодъ			единовластецъ
възвращение			единонравен
Вышегородъ			здравие
Вышегородъскія			здравъ
глава			злато
голова			златоверхъ
(на) головнѣ			златое
голодна			златозарныхъ
голодъ			злосмрадие
голоси			зракъ
Городцю			изъврагы
городъ			кладязь
горожане			класа
добронравенъ			(в) Костянтинъградъ
дорогое			младости
заморозъ			младоумиа
Звенигороду			младъ
золото			мрази
золотоверхая			невеглас
золотыми			невѣголоси
(межю) колодама			непраздна
колодникъ			несъвратну
коротокъ			Новуграду
кратъ			облаженая
младенецъ			пламень
молодъ			пльтьна
(на) морозъ			порозднѣ
мракъ			преблагословенъ
неблагоразумна			преблагый
неблагы			преблаженне
непревратну			прозорочнымиа
новгородское			пространнѣе
Новъгород			самовласть
новъгородцы			сладкоядный
нравъ			сластнааго
облакъ			соромъ
облаченъ			срамословье
обращения			суморокъ
огородъ			треблаженый

ограждение омрачениемъ отвращение платки помраченье празднество праздникъ праздъничну празднования праздънословия праздный прахъ (у) преграды пристранище разногласию самовластна сладкий сладость смрад смрадное солоду срамний срамота срамъ сторова сторона стража страна странникъ странолюбию странѣствие страньнолюбивъ (на) схранение съгласная съглашение хоромы храбростъ храбръ храм храмина хранения хранитель чюждестраньни			ухлаждение хладному хладъ хороборьствомъ хоробръ Царьградъ (изъ) Царягорода Цесарьградъ
---	--	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Лексемы из пассивного словаря

1. Отмечены в словарях как устаревшие, высокие и поэтические (книжные) слова	2. Словообразования, которых нет в современном РЛЯ	3. Русизмы и церковнославянизмы, по какой-то причине вышедшие из активного употребления и заменённые на свою коррелирующую пару	4. Названия предметов и явлений, исчезнувших из обихода и оборота речи	5. Имена собственные, неизвестные современному РЛЯ
безгласенъ благоутробиа (въ) блата брадѣ бразду владыченъ власы ворогъ врата гладъ глас градъ драгый здравие здравъ злато златоверхой златое зракъ кладязь младости младъ невеглас пламень пространнѣе соромъ срамословье хладному хладъ	безъблагодатнии благовѣрие благовѣствование благовѣстыцѣ благоизволение благолюбна благопотребная благопризирание благоугодных благоумия благоумныма благохвальными благочтивыя богоблаженый богогласъныхъ (въ) бологодѣль боронения велегласнѣйши вельглави властеле врачевное врачество вѣзбрание вѣзбранныму вѣзглавница вѣзграждение головникъ головничество городнаа градныя единовластеъ единонравен златозарныхъ злосмрадие изъврагы младоумия	бологомъ (за) вологу володимерцѣ володимерьская гладьное градъский класа мрази платьна пороздньъ прозорочныма суморокъ хоробръ	власяна городници городнѣ градищо златник золотникъ кладу наклади паволокы паволочито перекладна я поклажай стражбы	Ангивладъ Белоградскій Бѣловолодъ Володимерова Володимерьну Володимириъ Володимѣричъ Городеньский Городиславъ Златоустецъ Златоустый Златоязычнику (на) Золотчи (в) Костянтинѣградѣ Новуграду Рогъволодъ Царьградъ (изъ) Царягорода Цесарьградъ

	невѣголоси непраздна несъвратну облаженая преблагословенъ преблагый преблаженне самовласть сладкоядный сластнааго треблаженый ухлаждение хоробрьствомъ			
--	--	--	--	--

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Церковнославянизмы и русизмы в существительных и прилагательных

Существительные-церковнославянизмы	Существительные-русизмы	Прилагательные-церковнославянизмы
благо	(въ) бологодѣль	безгласень
благоволение	бологомъ	безъблагодатнии
благовѣрие	болота	Белоградскій
благовѣствование	борода	благовоына
благовѣстыцѣ	боронения	благовѣрный
Благовѣщеніе	борону	благодарственаа
благодареніе	(за) вологу	благодатьная
благодать	волость	благолюбна
благодетелю	ворогъ	благообразнii
благодѣянію	ворота	благопотребная
благоизволеніе	голова	благоприатнаа
благолѣпие	головникъ	благоразумен
благонравию	головничество	благородный
благонравию	(на) головнѣ	благостьнь
благообразіе	голодъ	благоугодных
благопризирание	голоси	благоумныма
благоразуміе	городище	благоуханыый
благородіе	городищяне	благохвалными
благословеніе	городници	благочестивый
благостынія	городнѣ	благочтивыя
благость	городъ	благъ
благоуміа	горожане	блаженый
благоутробиа	заморозъ	богоблаженый
благоуханіе	золотникъ	богогласныихъ
благочестіи	золото	брانьна
блаженство	изголовіе	велегласнѣйши
(въ) блата	(межю) колодама	вельглави
брадѣ	колодникъ	Владимерьскаго
бразду	(на) морозѣ	владычень
брань	норовъ	вражие
влагы	огородъ	врачевное
владыка	паволокы	възбраньному
владычество	полотенца	главни
владычица	солоду	гладньое
властеле	сorumъ	гласына
властилинь	сторожи	градныя
власть	сторона	градъский
власы	суморокъ	добронравенъ
власяня	хороборьствомъ	драгый
власяница	хоромы	единогласни
врагъ		единонравен
вражду		здравъ
врата		златоверхой
вратарю		златое
врачевания		златозарныхъ

врачъ		Златоустый
врачество		младъ
възбранение		неблагоразумна
възвращение		неблагы
възглавница		непраздна
възграждение		непревратну
глава		несъвратну
гладъ		облаженая
глас		облаченъ
градищо		пламенное
градъ		праздный
гражданинъ		праздъничыну
единовластецъ		преблагословень
здравие		преблагый
златникъ		преблажене
злато		пристраниѣ
злосмрадие		пространниѣ
зракъ		самовластна
изъврагы		сладкоядный
иностранны		сладкий
кладки		сластнааго
кладу		смрадное
кладязь		срамни
класа		страньни
кратъ		страньнолюбивъ
младенецъ		съгласная
младости		треблаженый
младоумия		хладному
мрази		храбръ
мракъ		чюждестраньни
наклади		
невеглас		
нравъ		
облакъ		
обращения		
оградъ		
ограждение		
омрачениемъ		
отвращение		
перекладная		
пламень		
платки		
платьна		
подъкладъ		
поклажай		
помраченъе		
празднство		
праздникъ		
празднования		
празднословия		
прахъ		
(у) преграды		

прикладъ		
пространство		
разногласию		
самовласть		
сладость		
смрад		
срамословье		
срамота		
срамъ		
стражи		
стражбы		
страна		
странникъ		
странолюбию		
странъствие		
(на) схранение		
съглашение		
ухлаждение		
хладъ		
храбрость		
храм		
храмина		
хранения		
хранитель		

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсеева

2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУСИЗМЫ В ПАМЯТНИКАХ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ И ДР.»)**

Выпускник

К.А. Смирнова

Научный руководитель

д-р филол. наук,
проф. Т.М. Григорьева

Нормоконтролер

А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018